

Кочючка и Стихоплёт

Татьяна Грачёва

16+

Татьяна Грачева

Колючка и стихоплёт

«Автор»

2019

Грачева Т. А.

Колючка и стихоплёт / Т. А. Грачева — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-07386-9

Они выросли в соседних квартирах, но казалось, будто в разных мирах. Отец с трудом справлялся с драчливой и неугомонной Маликой, ведущей себя как мальчишка. Кирилл вырос в мире женщин, окутанный вниманием и заботой. Мама и бабушка лепили из него верного, доброго, надёжного мужчину, как раз такого, о каком мечтали, но не встретили сами. Успев подрасться не один раз, дети стали лучшими друзьями, для окружающих – братом и сестрой. Помогли друг другу пережить трагедии безответной первой любви и определиться с призванием в жизни. Но, может, их умение общаться глазами и привычка делиться самым сокровенным - это признаки чего-то большего, чем дружба?

ISBN 978-5-532-07386-9

© Грачева Т. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

1 глава. Жабий глаз	5
2 глава. Профессор	11
3 глава. Первая любовь Кирилла	21
4 глава. Кирюха	37
5 глава. Учителя	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Татьяна Грачева

Колючка и стихоплёт

1 глава. Жабий глаз

Первая любовь как первый блин. Не у всех получается вкусной, красивой и кружевной.

Дима понял, что его первое чувство останется неразделённым, с тех пор как в рассказах Малики появилось имя Кирилл. Даже соединяясь с эпитетами «придурок» и «принцессочка», оно звучало слишком часто, чтобы остаться незамеченным. С богатой и неограниченной воспитанием фантазией она осыпала его ругательствами, периодически вставляла: «Не то что этот сопливый сосед с жабыим глазом».

Долгое время мальчишка с жабыим глазом существовал где-то там, в другой вселенной. Как умозрительное нечто, не имеющее физического воплощения. Как озоновая дыра, которую вживую никто не видел, или радиоволны, пронизывающие такой же воображаемый эфир. Но с каждым годом он приближался и, когда Дима почти решился открыться в чувствах, ворвался в уходящее лето.

Время близилось к обеду, солнце горячо облизывало головы, раздавая обжигающие поцелуи всем, кто вовремя не спрятался в тень. Местные деревенские уже успели отбить поклоны огороду и попрятались в домах, пережидая знойный полдень. Через несколько часов участки снова запестрят поднятыми кверху афедронами, будто чудными цветами на заурядных капустно-картофельных грядках.

Дима сидел на горячей земле, в переплетении ветвей соседних кустов, сложив ноги по-турецки, наивно полагая, что со стороны дома его не видно. Зелёная футболка исполняла роль маскировки, но выдавал его белый платок, завязанный на голове узлами с четырёх углов, на манер панамы пенсионера. Бритую налысо голову спасла бы тень или зима, но у Малики под рукой оказался только носовой платок. В другой раз Дима отказался бы от такого экзотического головного убора, но платок принадлежал не абы кому, а объекту его ночных грёз.

Он наслаждался возможностью беззастенчиво рассматривать лохматую подругу, скользить взглядом по исцарапанным загоревшим коленкам, слушать её залиvistый смех и жадно следить за прозрачными каплями сока, стекающими по её шее. Его взгляд будто случайно опускался к воротнику тонкой футболки Малики и рывком, словно встревоженный воробей, возвращался обратно к лицу. Она рвала красную смородину, сидя в тени высокого куста, запихивала в рот горстями и заедала гигантским розовым помидором. Прямо на земле лежал пучок молодой бледной морковки. Её она оставила на десерт.

Взгляд Димы никак не хотел отлепляться от разлохмаченного выреза, открывающего вид на тесный малиновый купальник. Он обречённо вздохнул. Для неё он просто Мышкин – друг на лето, компаньон по шкодливым выходкам и набегам на чужие огороды.

Год назад с подачи Малики он получил прозвище, противоположное его фамилии, Кошкин. Теперь же, в восемнадцать лет, и хотел бы обзавестись более благозвучной и мужественной кличкой, но эта прилипла, срослась с его незлобивой натурой.

Димин брат-близнец Валя три года назад не побоялся перейти границу приятельства и поплатился отставкой и полным забвением. Теперь внимание Малики на летних каникулах принадлежало только Диме. Хотя он и был младше своего раскрепощённого брата на целых семь минут и ни в чём другом не смог его опередить, эта победа грела самолюбие. Он планировал провести лето, единолично завладев обществом подруги, и до сегодняшнего дня никто и не покушался на эту привилегию.

По дорожке в их сторону неспешно шёл незнакомый парень, слишком уж плечистый для своего возраста, сразу видно – спортсмен. Он приблизился вплотную к кустам. Дима уже хотел окончательно расстроиться, но тут заметил, что лукавым, с налётом иноземности лицом незнакомец очень напоминает Малику. Они оба были смуглыми, темноволосыми, с раскосыми, широко расставленными глазами, будто их славянскую кровь хорошенько разбавили островитяне. Только у Малики радужка была мутно-синей, как у младенцев, словно природа не смогла определиться с цветом. А у парня глаза и вовсе оказались разными: левый – пронзительно-чёрным, а правый – зелёным, с золотыми крапинками. Дима непроизвольно вздрогнул от странного ощущения, будто чёрный глаз видит его насквозь, а зелёный насмехается.

Парень навис над притаившимися друзьями и широко улыбнулся.

– Привет, Кирюха!

Малика прожевала помидор и вздрогнула, скидывая оцепенение. Подскочила на месте, взвизгнула и ринулась через кусты, едва не наступив на руку Диме.

– Эдька!

Дима резко поднялся, продолжая переводить взгляд с незнакомца на взволнованную подругу.

– Вы братья, что ли? – с надеждой спросил он, с досадой отмечая, что гость выше него почти на голову. – И почему тебя Кирюхой назвал?

– Сёстры! – громко засмеялась Малика и добавила: – Это Кирилл.

Дима вздрогнул, будто его окатили ледяной водой. Так значит, это и есть «сопливый сосед с жабым глазом»? Тут же нахлынула горячая злость, замешанная на ревности.

Кирилл не обратил внимания на пытвшего от злости Мышкина и первым решился преодолеть метр пустоты, повисшей между ним и подругой. Длинными руками легко обхватил Малику и притянул к груди, приподнимая над землёй.

Дима кашлянул, напоминая о себе, и протянул руку для приветствия.

– Дмитрий.

– Кирилл, – ответил он пожатием и снова улыбнулся, широко и от души.

Дима недоверчиво сощурился.

– Почему Малика тебя Эдиком назвала, а ты её – Кирюхой?

Малика тоже широко улыбнулась, мгновенно перестав быть похожей на Кирилла. Казалось, что во рту у неё слишком много зубов, и все они показались одновременно. А передние резцы, обычно спрятанные, выглядели несколько крупнее остальных, придавая лицу детскости. Дима помнил всего две такие улыбки, и обе предназначались не ему. Обычно Малика улыбалась, едва приоткрывая зубы, а вот так радостно и искренне – крайне редко.

– Это долгая история, – размыто пояснила она. – Только он меня Кирюхой и называет.

– И только она меня – Эдькой, – откликнулся Кирилл. – Я смотрю, ты в своём репертуаре. Антонина Сергеевна ищет тебя, ругается. Кстати, она подозревает, что ты что-то замячила, не дожидаясь обеда.

Дима недоумённо приподнял брови. Он впервые видел «брата» Малики, а тот рассуждал так, будто каждое лето проводил в Калининске вместе с ними, воюя с бабушкиными принципами. В который раз Дима с горечью осознал, что большую часть жизни Малика проводит за пределами деревни, в недостижимости для его безответных чувств, делится летними воспоминаниями с кем-то другим и проживает день за днём, пока не придёт очередное лето.

Дима обогнал друзей и замер, преграждая им дорогу.

– Так вы братья, то есть сёстры? – он с досадой плюнул в сторону пышно цветущего зонтиками укропа. – Родственники или нет?

Малика и Кирилл переглянулись. Как можно объяснить их отношения? Не раз они стиливались с недоверием, когда доказывали, что дружба между мужчиной и женщиной не миф. Ещё в школе решили, что приходится друг другу братом и сестрой по отцу, незнакомым людям

так и представлялись. Им охотно верили, отмечая внешнее сходство и поразительную способность общаться без слов. А ведь дружбе их было всего три года, и выросла она из откровенной вражды.

Малика познакомилась с Кириллом в последнее лето перед первым учебным годом, хотя не единожды видела его смуглую физиономию в окне, сталкивалась с роднёй – всё-таки соседи. Кирилл до того дня играл роль призрака: мелькал за стеклом, становился темой обсуждения во дворе, его голос раздавался в подъезде, но заботливые наседки, мама и бабушка, оберегали единственного в семье мужчину от дурного влияния улицы, в том числе и от главного опасного элемента – Малики. Кирилл посещал частный детский сад, а если и гулял, то только вдалеке от детских площадок, чинно прохаживаясь рядом с мамой по аллеям парка, будто маленький взрослый. Но настал день, когда послушный мальчик выразил настойчивое желание познакомиться с дворовой ребятнёй, и противиться ему, как обычно, не посмели.

Как раз перед тем, как Малике исполнилось семь лет, она сделала для себя открытие, предпосылки к которому давно уже сигнальными огнями врывались в её жизнь. А именно – быть мальчиком гораздо лучше. Шорты удобнее вечно задирающихся юбок, игры мальчишек разнообразнее и увлекательней, любят их тоже больше. Во всяком случае, по наблюдениям Малики, друзьям-мальчишкам родительской любви доставалось гораздо больше, чем ей от отца. А уж ненавистного соседа Кирилла мать и бабушка так сильно обожали, что чуть ли не облизывали. Последней каплей послужила фраза из подслушанного разговора завсегдатаев у подъезда во главе с Мариной Карловной. Отца Малики, носившего прозвище Профессор так давно, что большая часть близких и не помнила почему, называли бракоделом из-за того, что у него была она, девчонка, а не сын.

Убедившись, что отец занят с очередной клиенткой, и из-за дверей кухни раздаётся равномерный, временами тревожный шёпот, Малика стащила ножницы из его спальни и криво отрезала густые каштановые волосы у самого основания. Косу спрятала в верхний ящик комода, чтобы потом сплести из волос тетиву для лука. Закончила причёску, обрезав торчащие вихры как придётся, лишь бы в глаза не лезли. В зеркало даже не взглянула, довольно тряхнула полегчавшей головой и побежала на улицу. В тонкой грязной ладошке она зажимала плоскогубцы, взятые тайком из ящика для инструментов. Сегодня Малика планировала научиться ездить на велосипеде без страховочных колёсиков, а то стыдно перед мальчишками во дворе – семь лет, а тут такой малышовый транспорт.

Долгожданный велосипед появился только вчера, в качестве подарка на будущий день рождения. Преподнесён был заранее, так как спрятать габаритный сюрприз в их двухкомнатной и без того захламлённой квартире оказалось нереально. Отец обещал, что выкроит время и открутит позорные колёса, но Малика не хотела ждать и терпеть насмешки дворовых ребят.

Избавиться от окаянных колёсиков удалось не с первого раза, пришлось повозиться с несговорчивым инструментом. Плоскогубцы соскакивали с болтов, царапая красную краску на раме, норовили прищемить пальцы, а делать то, что требовалось, не хотели. Когда велосипед наконец обрёл звание двухколёсного, в беседке уже собралась немаленькая компания из местных ребят. Они с любопытством поглядывали на гордую хозяйку подержанного транспорта.

– Эй, акула-каракула, что делаешь? – обратилась к Малике крупная девочка с тугими рыжеватыми косами.

– Отстань, зараза, – грубо откликнулась Малика, опознав по голосу своего давнего врага Танечку.

Знала же как обозвать обиднее! Малика сильно переживала из-за крупных передних зубов, хотя отец обещал, что с возрастом голова вырастет, и зубы придутся как раз впору.

Выращивать голову так долго Малика не могла, терпением не обладала совершенно, поэтому бурно реагировала на любые напоминания об акульей улыбке. Мало кто во дворе рисковал намекнуть на это, только Танечка. Смелая из-за статуса родителей. Она шёпотом поведала, что её папа – большой начальник, а мама в очередной раз подала на кого-то в суд и выиграла дело. Детей пугало слово «суд» и странные победы Александры Александровны, но раз побеждает, рассудили они, значит, сильна как бодибилдер. Выглядела женщина соответствующе: крупная квадратная фигура – со спины мужчина. Ей даже кличку дали – Сан Саныч. Танечка внешне-стью пошла в маму и обещала в будущем стать такой же «победительницей», так как характер имела склочный.

Малика поставила велосипед, удерживая его в вертикальном положении за руль, и задумалась. Её опыт вождения исчерпывался одним днём, и то с колёсиками, но отступить она не привыкла. Внимание зрителей придавало смелости, а опозориться перед Танечкой нельзя было ни в коем случае. Малика поставила ногу на педаль, резко оттолкнулась и... поехала. Быстро поймав равновесие, судорожно заработала ногами, удивляясь собственному умению. Благополучно преодолев десяток метров, она с задраным подбородком проехала мимо беседки и врезалась в урну.

Из-за поворота как раз показалась мама Кирилла – Василиса Максимовна. Её взгляд скользнул по соседской девочке: та барахталась под велосипедом, а ребята бездействовали в нескольких метрах от «аварии». Бросив пакеты, она кинулась на выручку, но не успела даже коснуться потерпевшей, как Малика злобно фыркнула.

– Я сама. Не трогайте мой велик.

Женщина нехотя отступила, давая возможность соседке подняться самостоятельно.

– Поранилась?

– Вам-то какое дело? – опять нагрубила Малика, хотя совсем не планировала этого делать. Некоторые слова вылетали изо рта, минуя мозг, и обычно бывали злыми.

Не обращая внимания на смешки из беседки, Малика подняла велосипед, вывела на дорогу, села на него и снова поехала, будто ничего и не случилось, хотя ободранная коленка пульсировала болью, а во рту чувствовался привкус крови. Поравнявшись с ребятами, Малика затормозила, отставив ногу, и улыбнулась.

– Видали, как я мусорку забодала?

С губы скатилась алая капля и прочертила дорожку по пыльному подбородку.

Один из мальчиков передёрнулся от вида крови.

– Ты кусалки, что ли, себе выбила? – Танечка не упустила возможности съязвить. – Теперь у кроличьего зуба нет пары.

Малика ошупала языком повреждения, но передние зубы, к сожалению, оказались на месте, придётся всё-таки выращивать голову. А вот левый клык сидел в десне некрепко, и кровь текла именно оттуда. Не раздумывая, она взялась за него пальцами и выдернула. В десне коротко, но болезненно кольнуло. Зуб был молочный, хотя выпадать явно не планировал, замена для него ещё не прорезалась.

– Дарю! – весело воскликнула Малика, кинув окровавленный зуб прямо в Танечку. Подарочный клык попал в белую футболку, оставил красный след и упал к ногам.

Малика оттолкнулась от асфальта и поехала вдоль дороги, подальше от беседки, старательно скрывая повисшие на ресницах слёзы. Каталась она без малого полчаса, хотя больше всего хотелось вернуться домой и позволить себе чуть-чуть пореветь. Но дома её ждал Профессор. Когда она покидала квартиру, отец был занят очередной таинственной клиенткой, но сейчас, скорее всего, та уже ушла, так что без допроса об отсутствующей косе и разбитых коленях не обойдётся.

Малика уже решилась предстать перед родителем, когда заметила на качелях на детской площадке в стороне от других ребят знакомого темноволосого мальчишку. Погрузившись в свои мысли, он, не раскачиваясь, изучал новенький пистолет на своих коленях.

Кирилл первый раз вышел во двор, хотя наблюдал за жизнью его обитателей не один год. Сидя на подоконнике, он изучал их, словно редких животных в заповеднике. Сегодня Кирилл решил дать ребятам возможность познакомиться с собой, ведь он-то знал их давно.

Больше всего он любил наблюдать за Маликой. Шумная, подвижная, озабоченная очередной игрой или пакостью – она не давала ему томиться за чтением книг. А читать он научился рано, по желанию бабушки, цель жизни которой состояла в том, чтобы вырастить из внука настоящего мужчину. Ответственного, умного, доброго, щедрого, красивого... в общем, мифическое существо вроде единорога. Обе женщины лепили из Кирилла мужчину, который им самим, к сожалению, не встретился, и который не обидит и не предаст.

В то время как Малика росла, лишённая женского внимания, Кирилла взращивали женщины, оставленные в своё время не самыми лучшими представителями сильного пола. Когда-то приключения их семьи регулярно становились темой обсуждения местных старушек на скамейках. Теперь же никого не удивляло, что старшая женщина в семье Камарицких слишком рано обрела статус бабушки. Вероника Петровна стала мамой в пятнадцать лет, от мальчишки едва старше её самой. Забеременев, рассорилась с родителями, но от ребёнка не избавилась, родила девочку. Когда та подросла, переехала в этот дом, тогда ещё новостройку. Дочку холила и лелеяла, воспитывала как утончённую принцессу: безропотную, воздушную, в меру капризную и, к сожалению, слишком доверчивую. Кирилл появился на свет через месяц после шестнадцати летия своей мамы.

Вероника Петровна обрела внука в возрасте, когда не каждая женщина замужем, и теперь, в тридцать восемь лет, на классическую бабушку совсем не походила. Натерпелись женщины Камарицкие от мужиков достаточно, обожглись, проплакались, но не обозлились.

Отца Кирилла помнил только старый домашний кот. Куда пропал и без того нечастый гость в собственном доме, мальчик не знал. В пять лет, впервые заинтересовавшись странной конфигурацией семьи, Кирилл получил ответ от бабушки: «отец погиб в аварии, и даже его исполинский эгоизм не выжил, хотя он был такой раздутый, что уж точно имел все шансы на спасение». Кирилл немного подумал и решил не скучать по размытому образу отца. Любви родных ему хватало с головой, иногда даже хотелось чуть поменьше.

И бабушка, и мама Кирилла, пройдя через унижения и трудные времена, всё ещё оставались утончёнными дамами, не приспособленными к действительности. Обе светловолосые блондинки с такой бледной и тонкой кожей, что просвечивались голубые сосуды, они и по-прежнему были словно не от мира сего. Видимо, Кириллу не захотелось повторить судьбу своих родственниц: начал он с того, что родился смуглым малышом с тёмными вихрами. Но решимости ни в чём не походить на несчастных в любви женщин Камарицких хватило на один глаз – чёрный, как битум. А вот второй явно достался по наследству от зеленоглазой изнеженной матери.

К семи годам на изумрудной радужке появились золотистые крапинки, добавив Кириллу ещё большую внешнюю исключительность. Василиса Максимовна млела от этой особенности, называла гетерохромию чудом-чудесным и подолгу смотрела в глаза сыну, видя в них отражение несбывшихся грёз.

Малика прислонила велосипед к ограждению детской площадки и, приблизившись к качелям, презрительно сплюнула. Отверстие на месте выдрванного зуба пришлось очень кстати.

– Говно у тебя, а не пистолет.

Кирилл удивлённо распахнул глаза, но ответить не успел. Взъерошенная девочка нагло его рассмотрела и неутешительно заключила:

– Глаз как у жабы.

– Зелёный? – растерянно уточнил Кирилл.

– Ты debil? Жаб не видел? Чёрный. Я в канаве у пустыря здоровенную жабу поймала, у неё глаза такие же дурацкие, как у тебя.

Она гадливо передёрнулась и попыталась проделать фокус с картинным сплёвыванием, но во рту пересохло, и получился только глухой свист.

– Не садись больше на мои качели, – тут же придумала она новое правило.

Непонятная агрессивность Малики не была сюрпризом, но впервые коснулась его лично. Соседку с раннего детства выпускали гулять во двор, Профессор выпроваживал её, как только на пороге появлялся очередной клиент, чтобы непоседливая дочка не мешала сосредоточиться. Кирилл часто видел Малику на турниках, на деревьях, будто её тяготила ходьба по земле, любила она и балансировать, стоя на заборе, как канатоходец. Малика всё время находилась в состоянии войны хоть с кем-нибудь во дворе. С теми мальчишками, что соглашались на её игры, чаще дружила, решившиеся спорить – нарывались на драку. А вот девочек она откровенно недолюбливала, и они отвечали ей тем же. Для Кирилла соседка была загадочно-безрасудная, он восхищался и мечтал познакомиться. У неё даже голос был интересный: не звонкий детский, а с хрипотцой, будто сорванный от крика. Ещё год назад он представил, как они станут друзьями и будут вместе придумывать игры, а может, он даже покажет ей свои стихи.

Он и не догадывался, что Малика начала его ненавидеть заранее, до знакомства, за то, что в его мире было целых две женщины, а у неё – ни одной. Кирилл же, в свою очередь, мечтал об отце. И хотя внешне удивительно походил на Профессора, иметь в родственниках человека, который выглядит так, словно только что съел домашнего питомца на глазах его хозяина, побаивался.

И вот мечта Кирилла осуществилась, Малика заговорила с ним, но дружба в её планы явно не входила. Обида подступила к самому горлу, мешая дышать. Пока он боролся со слезами, Малика перелезла через ограждение и направилась к подъезду, таща рядом велосипед. Кирилл вскочил и собирался сказать то, что всегда говорила ему мама: глаза у него феноменальные, ими можно разглядеть всё волшебство мира, но выкрикнул совсем другое:

– Сама ты говно!

Вот так, обменявшись комплиментами, они и познакомились.

2 глава. Профессор

Целую неделю до начала взрослой студенческой жизни друзья провели в деревне. Облели все кусты смородины у Антонины Сергеевны и перешли на соседские, не огороженные забором. Не будет теперь варенья у доброй тёти Веры.

Уже к вечеру местные прознали о приезде Профессора, и началось паломничество страждущих с ним пообщаться. Напрямую никто ничего не говорил, гости заводили беседу издалека, прощупывая почву, и, к досаде своей, получали отказ, такой же завуалированный, но вполне понятный. Однако на следующий день забредали новые желающие заглянуть в будущее и разворошить прошлое.

Со дня знакомства с Кириллом Дима понял, что всё уже не будет как раньше. Его лето было украдено вездесущим Эдькой. Они с Маликой не прогоняли Мышкина, тот участвовал во всех приключениях, но теперь чувствовал себя лишним. Особенно бесила их привычка перекидываться отдельными словами и договаривать друг за другом предложения. А иногда они вообще обходились без слов, разговаривали глазами. Из обрывков фраз сложилась безрадостная картина: Кирилл и Малика поступили в педагогический институт и жить будут в одном общежитии. Хорошо хоть на разных этажах. Кирилл по праву кандидата в мастера спорта без экзаменов попал на факультет физической культуры. Тренер постарался, хотя серебряная медаль и так открывала широкие двери на бюджетное отделение.

Вплоть до одиннадцатого класса Малика не утруждала себя учёбой, но по нужным для поступления предметам успела подготовиться и сдала их почти без проблем. Ей предстояло обучаться на биолого-химическом факультете. О выборе призвания Малика даже не думала, потянулась за другом, как нитка за иголкой. Второй, но не менее важной причиной послужило желание выскользнуть из-под утомительной опеки бдительного отца, вкусить студенческой разудалой свободы и наконец пожить без оглядки на репутацию Профессора.

За день перед отъездом друзья решили сходить на речку Калинку, встретить рассвет. Солнце едва окрасило ватный небосклон, как Дима просвистел у забора. Малика проснулась мгновенно, без мягкого перехода, будто спрыгнула со взлетающих качелей. Натянула ещё влажный после вчерашних заплывов купальник, поверх накинула белую футболку Кирилла. Почистила зубы, расправила волосы пальцами, не утруждая себя расчёсыванием, и выбежала на веранду. Поперёк узкой застеклённой комнаты расположился надувной матрас, на котором, раскинувшись звездой, сладко спал Кирилл. В одних трусах.

Малика принялась его тормошить.

– Эдька, хватит дрыхнуть, рассвет пропустишь.

Он не шелохнулся, едва всхрапнул, проваливаясь в глубокий сон.

Малика низко наклонилась над лицом Кирилла, пряди волос мазнули по его щекам. Она хитро ухмыльнулась и по-собачьи лизнула его в нос.

Кирилл растерянно заморгал и сфокусировал на ней взгляд.

– Уже утро? – произнёс он хриплым после сна голосом.

– Мышкин уже у калитки свистит, весь дом сейчас разбудит, – Малика кинула в друга шорты, а немного погодя и футболку, – успокаивай своё утреннее безобразие, умывайся и пойдём.

От яркого румянца Кирилла спасла смуглая кожа. Он сел, повернувшись спиной к подруге, и натянул шорты.

– Кирюха, могла бы сделать вид, что не заметила. Биолог хренов. Это нормальный физиологический процесс.

Несмотря на шокирующую прямооту, Кирилл слишком хорошо знал подругу, чтобы обманываться той лёгкостью, с которой она это сказала. Ей самой было неловко, но именно так

она боролась с собственным смущением: изображая цинизм и даже грубость, словно используя противоядие от окружающего мира, с которым до сих пор продолжала воевать.

Малика уже стояла в дверях, сливаясь с предрассветной дымкой. Невысокая, но фигуристая, ничего мальчишеского в её стане не проглядывалось, как бы она на это ни надеялась. Трудно было поверить, что всего несколько лет назад её запросто можно было спутать с мальчишкой – со спины, да и спереди тоже. В заблуждение вводили широкие плечи, теперь уже уравновешенные округлыми бёдрами.

Малика оглянулась, сверкнув улыбкой.

– Будущий. И вообще, не биолог, а учитель биологии.

Кирилл натянул футболку и приблизился к подруге.

– В таком случае это непедагогично, Кирюха.

Малика неопределённо хмыкнула и легко пробежала по ступеням во двор.

Не успел Дима насладиться беседой с ней, как показался Кирилл. Он уже почистил зубы и даже умылся холодной водой, но всё ещё выглядел сонным.

До речки друзья добрались на велосипедах за каких-то десять минут. Обгоняя их, в небе разрастался рассветный пожар. Выехав на пригорок, они бросили транспорт и уже пешком закончили путь на краю высокого берега. В торжественном молчании уселись рядком, касаясь плечами. Малика оказалась посередине, но, даже окружённая теплом тел, немного зябла от утренней росы.

Мутно-серое небо постепенно окрашивалось оранжевыми всполохами, белые облака смущённо краснели, обретая чёткие очертания. Первые лучи несмело ощупали подготовленный алыми пятнами небосвод и уже увереннее прорезали воздух. Стремительно светлело, серый цвет отступал, возвращая в мир краски. Природа просыпалась одновременно с восходящим солнцем. Вдалеке несколько раз прокукарекал петух, забрехали собаки. Воздух наполнился звуками, стирая очарование момента.

Дима первым нарушил тишину.

– Теперь можно домой.

Малика раздражённо шикнула на друга, резко положила ладонь на его колено. В сторону Мышкина она не повернулась, смотрела на одухотворённое лицо Кирилла. Тот не двигался и даже прикрыл глаза, позволяя первым несмелым лучам скользить по щекам. Губы слегка шевелились, проговаривая строчки будущего стихотворения.

Через несколько секунд Кирилл вздрогнул, распахнул глаза: момент, когда его покинуло вдохновение, ощутил болезненным уколом.

Малика поймала его взгляд.

– Покажешь?

– Это?

– Да.

– Потом.

Дима страдальчески закатил глаза. Ну вот опять начались шифры и пароли. Эти двое его не замечали, радовала только горячая ладонь Малики, прожигающая ногу сквозь джинсы. А она и не заметила, какие перемены в лице Мышкина вызвал этот дружеский жест.

Малика вскочила первой и принялась стаскивать через голову футболку. Дима растерянно отвернулся, а Кирилл, наоборот, открыто рассматривал подругу, и лицо его выглядело озабоченным.

– Кирюха, не пора бы тебе купальник на размер больше приобрести?

Малика замерла напротив него, её глаза смеялись.

– Буду ещё в конце лета тратить деньги на новый купальник. Этот почти новый, год назад купила.

Кирилл, склонив голову к плечу, пристально её рассматривал: малиновые треугольники ткани натянулись на круглой и аппетитной груди. Его рука в непосредственной близости от купальника изобразила несколько описывающих взмахов.

– Выглядит опасно. Твой бюст так и просится на свободу из тесного заключения. Сейчас ткань треснет – и произойдёт побег.

Дима решился глянуть в сторону друзей и опешил от смелости наглого, беспардонного Эдьки. Он не только открыто таращился на грудь Малики, но и не стеснялся махать пальцем в каких-то миллиметрах от неё, едва не касаясь. И при этом выглядел непростительно безразличным к выдающимся прелестям.

Малика равнодушно отмахнулась от указующего перста.

– Отвали. Пока ты не приехал, никто и не замечал этого, да, Мышкин? – оглянулась она в поисках поддержки на другого друга, но, получив в ответ испуганный взгляд, снова пошла в наступление на Кирилла. – Нечего пялиться на мои сиськи.

– Да как на них не пялиться, сами в глаза лезут. Так и хочется сказать: горшочек, не вари!¹

Малика беззлобно толкнула Кирилла ладонью в грудь, приблизилась к краю берега и прыгнула в реку.

Несколько часов друзьям было не до разговоров. Вслед за Маликой в холодную воду погрузился Кирилл. Дима наблюдал за ними с берега. Он вообще не планировал купаться этим утром, думал встретить рассвет и вернуться домой. Теперь же не хотелось оставлять Малику наедине с Кириллом.

Когда же Дима решился окунуться в воду, Малика и Кирилл, наоборот, вышли на берег обсохнуть и согреться. А ему пришлось купаться, чтобы поспешное бегство из реки не выглядело подозрительным. Мало того что вода оказалась по-осеннему студёной, так он еще никак не мог сосредоточиться на плавании и оторвать взгляд от поляны.

Малика и Кирилл сидели рядом, касаясь бёдрами, тяжёлая рука парня покоилась на плече подруги. Он притянул к себе замёрзшую Малику и энергично растёр ладонью кожу на её спине.

– Твой Мышкин меня ночью прирежет. С виду тихий и мирный, а внутри такой вулкан кипит! По идее, тебе должно быть жарко от его горячего взгляда.

Малика мелко дрожала, зубы выстукивали дробь, искажая слова.

– Не мой. В-в-вообще не в-в-в моём в-в-вкусе.

– А кто в твоём?

Малика тяжело вздохнула.

– Ты з-з-знаешь кто.

Кирилл какое-то время молчал. Накинул на неё свою футболку, нехотя спросил:

– Стас? – в голосе слышалось замешательство, переходящее в раздражение.

Малика подняла на него взгляд.

– Он даже не позвонил, представляешь? Не попытался меня найти и поговорить. Просто растворился в воздухе, будто и не было выпускного вечера, того танца и...

Кирилл заметил заминку и закончил сам.

– Поцелуя?

Малика выдержала пристальный взгляд друга.

– Ненавижу твой чёрный глаз, он всегда меня осуждает. А зелёный – всегда на моей стороне, – она прикрыла ладонью левую половину лица Кирилла. – Это я его поцеловала.

Кирилл моргнул, жёсткие ресницы защекотали ладонь Малики, вынуждая убрать руку.

– А он как отреагировал? – в голосе сквозила насторожённость.

¹ Выражение из сказки «Горшочек каши». По велению хозяина горшочек начинал варить кашу и варил её столько, что она вываливалась через край. А переставал варить только после произнесения приказа: «Горшочек, не вари!»

– Странный вопрос. Поцеловал в ответ. А что он должен был сделать? Отплеваться и убежать от меня?

– Почему нет? Ты же ядовитая сколопендра.

Малика боднула его плечом, он едва не потерял равновесие, но быстро выровнялся.

– Уже неважно. Он не позвонил, а когда звонила я – не взял трубку. Так что, видимо, на этом всё. Несчастный конец моей первой любви, – она постаралась пошутить, но печаль в голосе скрыть не сумела.

Кирилл притянул к себе подругу, поцеловал в макушку.

– Кирюха, Кирюха. Нашла, о ком слёзы лить. Он тебе совсем не пара. Вот лучше на Мышкина своего посмотри. Хороший же парень, хоть и мелковат. Почему только он башку налысо бреет?

– У него кудрявые волосы, и выглядит он с ними очень... мило.

– Понятно. Что для парня может быть хуже характеристики «мило»?

Кирилл приподнялся, готовясь встать, но Малика потянула его за руку, заставляя снова опуститься рядом.

– Куда собрался? Признавайся. Было?

– Что было? – предпринял он попытку изобразить непонимание.

– Вижу, что было. Ты другой. Такой опасный. Словно вегетарианец, впервые вкусивший мяса и нацеленный отведать все котлеты мира.

– Ну, ты права, в общем, – нехотя согласился Кирилл.

Малика сдавленно хихикнула.

– Ну и какая итальянская старушенция откупорила тебя? Надеюсь, ты дорого продал свою девственность?

– Злючка, – он наигранно обиделся.

– Лучше бы ты оспорил слово «старушенция». – Малика помахала рукой Диме, призывая выбираться на берег.

– Беатриче всего двадцать семь, – признался Кирилл, ожидая реакции подруги.

Малика в притворном ужасе закатила глаза.

– Нет жизни после двадцати.

Кирилл не успел ответить на это спорное утверждение, на поляну выбрался мокрый Мышкин, он неравномерно посинел и звонко клацал зубами.

Малика окинула друга тревожным взглядом.

– Теперь точно пора домой.

Пришлось сворачивать водные процедуры и собираться обратно в деревню.

Дождавшись, когда Дима натянет вещи, Кирилл взял Малику за руку и направился к оставленным у подножья подъёма велосипедам.

– Профессор, наверное, тебя уже обыскался.

Споткнувшись, Малика опёрлась на его локоть и недовольно пробурчала:

– Он всегда знает, где я. А вот Антонина Сергеевна всю душу вытрясет.

Бабушка чихвостила их недолго, но качественно. Правда, после головомойки ублажила вкусным завтраком.

Через пару часов Мышкину всё-таки пришлось уйти и оставить Малику наедине с опасным Эдькой, а тот как нарочно франтил голым мускулистым торсом. Можно подумать, его смуглой коже не хватило солнца в Италии, где он провёл два месяца на спортивных сборах!

До вечера друзья нежились в тени берёзы. Разложили покрывало прямо на траве, позади беседки, воспользовались ею как укрытием от солнца. Перекусили варёной кукурузой и наслаждались последними днями безделья. Кирилл записывал в блокнот строчки, навеянные утрен-

ней вылазкой к речке, а Малика заснула, уложив голову на его колени. Одурманивающе пахло спелыми яблоками и чабрецом, и вскоре Кирилл тоже поддался дреме.

Сумерки на юге скоротечные и плотные, день угас быстро, без плавных переходов, за какие-то минуты сменившись ночью. Рядом с задремавшими друзьями прошуршали шаги, вслед за ними раздалось цоканье каблуков.

Малика открыла глаза и приподняла голову.

– Эдька, проснись. В беседке, кажется, Профессор, и не один. Кто-то всё-таки уговорил его поработать.

Кирилл не умел выпадать из грёз так же быстро, как Малика. Сначала плавал в каком-то промежуточном состоянии. Органы чувств работали хаотично, по очереди. Только спустя минуту он мог мыслить и двигаться полноценно.

В беседке зажегся свет, маломощная лампочка накаливания без абажура горела над макушками посетителей, оставляя под скамейками непроглядную первозданную тьму. Первым в круг света вошёл невысокий мужчина в чёрной рубашке с воротником стойкой. На его груди мрачно поблёскивали металлические цепи, надетые в несколько рядов. Некоторые из них заканчивались амулетами, в основном собственного изготовления. Выглядел он не слишком представительно, даже комично из-за обилия кустарных украшений на шее и руках. Но стоило заглянуть в его матовые, лишённые блеска чёрные глаза, и пропадало желание насмехаться над нелепым, словно из низкопробного театра, костюмом доморощенного ведьмака.

Малика подползла на коленях к низкому проёму и нашла взглядом отца. Он сидел к ней боком, напротив него стояла слегка полноватая ухоженная женщина с толстой косой на плече. Гостя остановилась у входа в беседку, неосознанно выбрав такое местоположение: если возникнет необходимость, то помчится без оглядки. Женщина чувствовала себя неловко и явно боялась того, к кому пришла за помощью, её пальцы сжали край деревянного стола, потемневшего от времени и пролитых напитков.

Рядом со щекой Малики шевельнулся воздух, прямо над ухом раздался напряжённый шёпот.

– Если Профессор увидит, что мы подглядываем, хана обоим. – Кирилл придвинулся к Малике и слегка надавил ладонью на её голову, заставляя пригнуться.

– Тсс. Пару секунд посмотрим.

Она заворожённо смотрела на тонкие кисти с узловатыми пальцами, ловко и даже изящно тасующие колоду карт. Это были обычные карты, не Таро, самые стандартные игральные, купленные в составе большой партии в магазине. Единственное, что делало их особенными – на каждой колоде, перед тем как использовать её для гадания, по несколько минут в качестве непорочной девицы сидела Малика. Она с ужасом ожидала дня, когда придётся отказаться от этой почести и признаться в своём грехопадении. Скрыть это не удастся, и полетит тогда бракованная, не обсиженная девственницей колода прямо с балкона вслед за самой Маликой.

Насколько она помнила, отец всегда зарабатывал на жизнь именно таким экстравагантным способом – гаданием на картах, кофейной гуще, иногда баловался хиромантией. Доходы получались нестабильными. Выдавались дни, когда они ели креветки и ананасы, но случались и периоды на картошке и воде.

Около двадцати лет назад Андрей Иванович Рейтерн носил статус преподавателя в институте. Профессором, несмотря на теперешнюю кличку, не был, остановился на звании кандидата наук. Уже тогда умело пользовался рентгеновским взглядом, вызывая оторопь и уважение в студентах. К тридцати восьми годам друзей среди коллег не заимел, но не страдал от одиночества. Ему хватало собственного общества, пока судьба не свела со студенткой Лерой.

Непутёвая второкурсница провалила сессию из-за не сданного даже с третьего раза предмета Андрея Ивановича. На одном из индивидуальных занятий она не придумала ничего

лучше, чем соблазнить строгого лектора. Не обласканный женским вниманием, он легко попал в ловушку более опытной по части отношений студентки.

Сессию Лера так и не сдала, вскоре была отчислена, зато преуспела кое в чём другом – она забеременела. Профессор не отказался от ребёнка, сразу же предложил девушке сожительство, но не штамп в паспорте, на который она так рассчитывала. А вскоре сама Лера была рада, что узы брака не приковывают её к странному мужчине. За три с половиной года их совместной жизни он сильно переменялся.

Андрей Иванович и раньше был мрачным и немногословным, но уважаемая должность преподавателя, приличная зарплата и вменяемое поведение какое-то время удерживали Леру от побега. Когда родилась Малика, увлечение Профессора оккультизмом и мистикой перешло границу обычного хобби, всецело завладев его временем и мыслями. Из института его попросили уйти. Это не расстроило Андрея Ивановича, наоборот, стало толчком к тому, чтобы превратить своеобразное увлечение в работу. В узких кругах он получил прозвище Профессор. Кличка приклеилась намертво.

Внешние изменения происходили постепенно, сначала затронули привычку одеваться. Чёрный методично вытеснял остальные цвета из гардероба и, как только одержал победу в замкнутом пространстве, стал переселяться в квартиру. Исключение делалось только для спальни Малики, здесь вообще не происходило никаких трансформаций. Даже когда она родилась, в комнате не появилось ничего явно детского. Ни кровати, ни ходунков, ни ярких игрушек. Малику просто вписали в существующее пространство, решив, что детство слишком короткая пора, чтобы о нём беспокоиться. Покупалось только самое необходимое, никаких излишеств. Спала она на одной кровати с мамой, играла чем придётся: прищепками, крышками, пуговицами.

Уже через год кухня приняла облик таинственного логова чернокнижника. Профессор обрёл определённую известность и, несмотря на увещевания сожительницы, к прежней жизни возвращаться не планировал.

Первое время Лера терпела и методически тратила накопления, в основном на себя. А если внезапно просыпался материнский инстинкт – и на маленькую дочку. Через год, очистив до блеска счета в банке и распотрошив зачатки мужа, она отпраздновала трёхлетие Малики, а на следующий день сбежала в неизвестном направлении.

После побега Леры в жизни Андрея Ивановича почти ничего не изменилось. Малика ходила в детский сад, а вечером занимала себя сама. Ела хорошо, слушалась, не приставала с расспросами. Иногда он забывал о существовании дочери и вспоминал лишь тогда, когда приходила квитанция об оплате детского сада. Уже через год дочь самостоятельно выходила во двор, и клиенты стали приходить гораздо чаще. Видя очередную опасливую незнакомку на подходе к подъезду, старушки на скамейках кривились, шушукались, укоризненно качали головами и тайком сами наведывались к Профессору.

Андрей Иванович имел особенный взгляд на воспитание – строгость в тех моментах, которые он считал необходимыми, и полная вседозволенность там, где общество ставит границы. В принципе, запрещалось то, что ему самому не нравилось или доставляло неудобство. Поэтому Малика очень скоро научилась быть невидимой и всё, что можно, утаивать.

Профессор не скрывал от дочки своего рода занятий, рано научил раскладывать карты, считывать с них информацию. Малика не слишком хорошо запомнила классические названия мастей, да и считать тогда не умела. То, что для кого-то выглядело как крестовый туз, для неё представлялось казённым домом, а пиковая шестёрка – поздней дорогой. Андрей Иванович удовлетворённо заметил, что в дочке есть неуловимая способность заглядывать в будущее и по заказу ворошить прошлое.

Интерес к оккультизму отец поощрял, но подглядывать за процессом гадания клиентам строго запрещалось. Профессор сулил конфиденциальность своим посетителям. На это

делался упор в рекламе, размещённой в местной газете и на нескольких сайтах в интернете, и он держал своё обещание.

Малика слушалась отца, пока в ней не проснулось любопытство. Оно завладело её натурой, подавляя другие черты характера и даже трепет перед Профессором. Противиться этому зудящему чувству оказалось решительно невозможно.

Случайно подслушав телефонный разговор отца с очередной клиенткой, Малика решилась тайно посетить сеанс гадания. Она заранее вытащила из буфета банки и коробки, освободив для себя место. Скорчившись в неудобной позе, легла так, чтобы щель между дверцами оказалась как раз напротив глаз. Ждать долго не пришлось. Клиенткой оказалась молодая особа в роскошной светло-рыжей шубе. Малика сразу решила, что гостья – самая красивая девушка на свете, хотя бы потому, что ни одна деталь её гардероба не была чёрной. Шубу та расстегнула, но не сняла, обозначая кратковременность своего визита.

Первым сел отец, после недолгого колебания на край стула опустилась и девушка. Без экивоков и предисловий она приступила к делу.

– Мне нужно, чтобы вы помогли избавиться от ребёнка.

Профессор нахмурился.

– Может, вам в женскую консультацию обратиться?

Девушка заёрзала на стуле.

– Ребёнок не мой. Беременна другая женщина.

Профессор приподнял бровь, его пальцы нервно теребили колоду карт.

– И какой же помощи вы от меня ждёте?

Девушка на мгновение растерялась.

– Сделайте заговор на смерть ребёнка.

Андрей Иванович наклонил голову к плечу, став похожим на чёрного нахохлившегося ворона. Малика затаила дыхание, ощутив напряжение, искрящее в воздухе. А вот гостья не почувствовала, как изменилось настроение Профессора.

Внешне он оставался спокойным, но голос уже дрожал.

– Как вы обо мне узнали?

– Какая разница? – Гостья встала и сделала шаг к двери.

Андрей Иванович проявил редкостное хладнокровие, не выгнав девушку сразу же, и нашёл в себе силы произнести:

– Я не занимаюсь такими вещами. Мог бы погадать, но, пожалуй, откажусь.

Девушка отрицательно мотнула головой.

– Я без вашего гадания знаю своё будущее. Сергей женится на Валерии из-за ребёнка и навсегда будет для меня потерян. Я хорошо вам заплачу.

– Нет. Уходите.

Малика явно слышала в голосе отца гнев, который всё ещё оставался незаметным для гостьи. Какое-то время девушка смотрела на Профессора, словно пытаясь убедить взглядом, но, не получив ответа, ринулась к выходу.

Андрей Иванович около минуты не шевелился, смотрел в одну точку. Резко вздрогнув, будто его тело прошибло током, опустился на стул и разложил карты. Молча рассматривал стол, будто вообще ничего не видел. Разозлившись, смахнул получившийся расклад со стола и вышел из комнаты.

Выждав на всякий случай минут пять, Малика выбралась из буфета. Её взгляд наткнулся на несколько карт, оставшихся на столе. Три из четырёх мастей – пики, в том числе перевёрнутый туз. Насколько она помнила, это означало для кого-то верную смерть. В тот день это слово не взволновало Малику, она вообще не задумывалась о смерти до семи лет.

Малика хорошо запомнила последний день лета, но не потому, что ей предстояло пойти в первый класс. В тот день она впервые увидела похороны.

Выбежав во двор, она остановилась на крыльце, обдумывая, чем заняться: половить ящериц на пустыре или забраться на ничейное персиковое дерево и достать последние в этом году плоды с самой верхушки. Её озабоченный взгляд прошёлся по детской площадке, губы скривились в презрительной усмешке: на краю песочницы сидел Кирилл. Он больше не играл в одиночестве, легко и быстро влился в дворовую компанию и даже временами верховодил, придумывая новые развлечения. Задиристые Сенька и Виталик были старше на целый год и учились уже во втором классе, но к Кириллу поему-то прислушивались.

Будучи школьниками, они обычно пытались помыкать малышняй, гоняли ребят по выдуманным поручениям и нередко задирали. По отдельности Сеньку и Виталика не воспринимали, только вдвоём, хотя выглядели они противоположностями друг друга. Сенька – весь удлинённый, тонкий, как цапля, с белёсыми бровями и такими же невыразительными ресницами. Виталик – коренастый, как бочонок, смуглолицый, с одной пушистой бровью над угольно-чёрными глазами.

Казалось, Кирилл не сделал ничего для того, чтобы стать заводилой, просто не боялся высказывать своё мнение и знал много необычных игр. Если он появлялся во дворе, Малика находила себе другое занятие где-нибудь подальше, злясь на друзей, предавших её, и на саму себя за упрямство.

Она раздражённо фыркнула и отвернулась, взглядом наткнулась на странный деревянный сундук у соседнего подъезда. Подъехала машина, из неё выбрались незнакомые люди, одинаково хмурые и ссутуленные горем. Из подъезда вышли ещё несколько человек, таких же печальных и молчаливых, они молча обнялись с приезжими.

Малика подкралась поближе и остановилась возле лакированной крышки гроба, пристроенной у стены. Коснулась гладкой поверхности и, найдя в группе людей Карину Карловну, обратилась к ней:

– Это что за сундук такой?

– Это гроб, – тихо отозвалась пожилая женщина, подходя ближе к Малике.

– Что там будут хранить?

– В него положат Вениамина Михайловича.

Малика опешила.

– За что? – она оглянулась на крышку гроба, оценила её узость и заволновалась. – Там же совсем неудобно, на бок не ляжешь.

Старушка тяжело вздохнула.

– Он умер, деточка. И в этом гробу его похоронят на кладбище.

Малика смутно помнила упомянутого мужчину. Он редко выходил на улицу, а с зимы и вовсе не показывался. В животе завязался узел страха, кожа покрылась мурашками. Её ужаснула мысль о том, что кого-то могут уложить в деревянный ящик и закопать в землю. И эта земля будет давить сверху, ни вздохнуть, ни встать, кричи – никто не услышит. Малика помнила, как выглядит кладбище в деревне. Она ходила туда с Профессором навещать дедушку, которого никогда не видела. Но раньше она не задумывалась, что там под землёй лежат люди. Очень много людей. Мёртвых людей.

Малика попятилась назад, боясь постыдно завопить. Самого Вениамина Михайловича ещё не вынесли, и видеть, как это произойдёт, совсем не хотелось. Она убежала на пустырь, не оглянувшись, хотя слышала, как Сенька и Виталик звали её играть в мяч. Ящериц она не ловила, не до того было. Сидела на большом валуне абсолютно неподвижно: переживала сде-

ланное открытие. При полной внешней неподвижности внутри у неё бушевал ураган чувств, довлеющим из которых был страх. Никогда Малика так не боялась чего-то непонятного, невидимого, неотвратимого. И никто не мог ей помочь пережить это чувство. Ужас перед смертью погрузился в подсознание, но порой прорывался жуткими снами и фобией закрытых пространств.

С того дня она начала бояться темноты, но признаться в этой слабости не могла ни отцу, ни друзьям. Каждый вечер в неосвещённом подъезде её накрывало волной паники, и Малика летела по ступенькам к спасительной лампочке над дверью своей квартиры.

Несколько часов Малика бродила по пустырю вдоль канавы, собирая колючие репейники и складывая их в карман. У неё зародилось смутное предчувствие, что сегодня снаряды ещё пригодятся. Во двор она вернулась к обеду, сразу направилась к персиковому дереву. Недалеко расположилась местная компания. Прямо на асфальте они играли в карты, постоянно оглядываясь на окна, чтобы не пропустить бдительного родителя, который захочет отобрать у них азартную забаву.

Малика какое-то время прислушивалась к игре, поедая добытый с верхушки персик, потом прошла по краю забора и прыгнула чуть ли не в центр круга, образованный игроками.

Не дожидаясь шквала протестующих воплей, надменно процедила сквозь зубы:

– Нудятина. Я лучше придумала. Кто не трусит, тому погадаю.

Кирилл принялся собирать свои карты, избегая взгляда соседки. Танечка резко встала.

– Ну я. Раз уж ты дочка ведьмака, расскажи, куда делся мой любимый котёнок?

Малика села прямо на асфальт, сложив ноги по-турецки, рваные джинсы натянулись на острых её коленках. Она молча протянула руку.

Кирилл собрал карты в аккуратную стопку и вложил в её ладонь.

– Не сомни, они новые.

Малика ловко перетасовала карты и сделала первый расклад. Дети нависли со всех сторон, опасаясь пропустить сеанс гадания. Затихли в ожидании и предвкушении.

Уже через секунду Малика поняла, что не будет озвучивать то, что увидела, и придумала другую версию.

– Твоего котёнка украли. Люди на машине ехали, увидели, какой он хорошенький, и забрали себе домой. Балуют его теперь вкусняшками.

Танечка скривилась:

– Вот гады! – кратковременно возмутилась она и тут же забыла о котёнке. – А что ещё карты говорят?

Малика собрала колоду и снова разложила, только по-другому. Ничего плохого и неприятного карты не обещали. Именно это разозлило Малику, поэтому она начала выдумывать свой собственный язвительный вариант будущего.

– В первом классе ты будешь учиться хуже всех. С тобой никто не будет дружить, будут называть тебя ябедой и обкидывать в столовой едой.

Танечка аж задохнулась от возмущения.

– Дебилка! Сама будешь хуже всех! Ты даже читать ещё не умеешь, а я весь год ходила на подготовительные занятия. Мама за них, знаешь, сколько заплатила?!

Малика не ответила, резко встала, вынула из кармана комок репейников и закинула их прямо в рыжую шевелюру Танечки.

Та затопала ногами и заверещала. Кинуться на Малику не посмела, слишком у той репутация была опасная. В бессильной ярости сжала кулаки и зловеще пообещала:

– Ты ещё пожалеешь.

Малика не стала дожидаться окончания истерики и, оставив ребят в разной степени удивления, направилась к своему подъезду.

Сзади её догнал Кирилл.

– Я видел, как котёнка раздавила машина. Не стал говорить, чтобы не расстраивать Танечку. Сан Саныч его на пустыре закопала.

Малика резко остановилась и грубо его оттолкнула.

– Чего привязался? Отвали.

Кирилл изумлённо отступил.

– Мы же с завтрашнего дня в одном классе будем учиться. И Танечка тоже. Вместе будем в школу ходить.

Малика скривилась.

– Я сама по себе. Отвали, говорю, по-хорошему, а то нос тебе раскровякаю.

Кирилл рассердился.

– Знаешь, кто ты? Скорпионша ядовитая! Это ты про себя на картах всё увидела. Колючка!

Вылетевшее сгоряча обзывание из уст воспитанного Кирилла надолго превратилось в прозвище Малики. Но мало кто решался открыто повторять его вслух. Первые смельчаки заполучили фингалы и другие телесные повреждения, а новых желающих испытать ядовитость скорпионши долгое время не появлялось.

3 глава. Первая любовь Кирилла

К жизни в общежитии Малика привыкала тягостно и сложно. Слишком много правил окружало её в статусе студентки. Комнату пришлось делить ещё с двумя девушками с факультета филологии: Элей и Миленой. Обе были пепельными блондинками, но не от природы, светлокожими, тонкокостными, словно сделанными из одной заготовки.

Невозможность остаться одной оказалась самым неприятным новшеством жизни в общежитии. Единственный плюс – ночная темнота теперь обрела дыхание соседок по комнате и пугала гораздо меньше.

Возвращаться в общежитие нужно было до закрытия дверей, значит, не позже одиннадцати, а зимой – десяти. Готовить приходилось на общей кухне, единственной на этаже, и ещё не факт, что приготовленное блюдо доживёт до следующего дня. Стоит замешкаться и не отнести еду в свою комнату, она сгинет в чужих желудках. На втором этаже обитали парни, вечно голодные, но с потрясающим нюхом на свежий борщ. Сквозь перекрытия между этажами им удавалось определить, что готовится на кухне, и просочиться сквозь стены.

Поначалу Эля и Милена отнеслись к новой Малике настороженно, а сама Малика по старой привычке – откровенно враждебно. Но Кирилл сделал ей внушение, напомнив, что репутация её отца, да и её собственная, остались за пределами родного города, а значит, можно повременить с началом боевых действий в институте и проявить дружелюбие.

Малика рискнула и поразились: оказалось, приятельские отношения с окружающим миром заметно облегчают жизнь. Она дала себе зарок стать лучшей версией себя: не злословить, не драться, улыбаться и быть добрее. Держать обещание получалось через раз, колючая натура так и прорывалась сквозь налёт благонравия.

Почти месяц студенческой жизни пролетел стремительно, пока радовал новыми событиями и знакомствами.

Малика замерла напротив зеркала, с расстёгнутыми джинсами. Молния не сходилась. Ночные булочки, как и ожидалось, оставили след на её фигуре. В основном на бёдрах. Школьные джинсы, родом ещё из седьмого класса, требовали отставки.

– С завтрашнего дня перестаю жрать. Совсем.

Эля заплетала подруге мудрёную косу, отвлеклась и окинула Малику завистливым взглядом.

– Попа у тебя и правда округлилась, – многозначительно заметила Милена. – Куда собираешься?

Малика оглянулась.

– У Эдьки первенство России на гребной базе. Пойду орать с трибуны.

Девушки встрепнулись.

– У Камарицкого? Кирилла?

Малика снисходительно ухмыльнулась.

– Ну да.

Девушки одновременно вскочили с кровати и принялись вертеться вокруг растерянной Малики, умоляюще заглядывая в глаза.

– Познакомь с ним.

– Пожалуйста. Ты же обещала ещё несколько недель назад.

– Нет, – Малика резко выдохнула и одним резким движением дёрнула бегунок вверх. Осталось только молиться, что молния не разъедется в самый неподходящий момент. – Сегодня ему не до вас.

Эля и Милена обиженно насупились. Дружба с Маликой, а через неё и с Кириллом, открывала девушкам двери в райские кущи, а именно – на факультет физической культуры.

Там водились спортсмены всех мастей и на любой вкус, а своих дам почти не было. Зато на филфаке девушек обитало с избытком. Весёлых, романтичных, но одиноких.

– Сколько можно ждать?

Выбрав удлинённую футболку, чтобы в случае казуса с молнией не осрамиться, Малика развернулась к соседкам.

– У него, кстати, есть девушка – Зина.

Милена и Эля переглянулись и почти одновременно пожали плечами. Наличие Зины их нисколько не смущало. Не жена же, всегда можно подвинуть. Их больше увлекал вопрос, как они будут делить Камарицкого между собой.

– Ты обещала ещё в начале сентября. Уже двадцать седьмое, а Кирилл даже не знает о нашем существовании.

Малика уже держалась за ручку двери, когда решила благосклонно предложить:

– Завтра «Звездопад первокурсников», там вас и познакомлю.

Она быстро выскочила из комнаты, но даже через дверь слышала радостный визг.

Бабье лето порадовало почти летней погодой, у реки пахло сыростью и мокрым деревом, но солнце припекало с намёком на загар.

Малика устроилась на самой нижней скамейке, ближе к финишу, чтобы поздравить Кирилла одной из первых. Остальные зрители расселись группками по всей трибуне или прямо на пологом берегу, ближе к воде, и возбуждённо переговаривались.

Наслаждаться отдыхом и природой как-то не получалось, пуговица джинсов больно врезалась в живот, а ткань трещала при каждом движении. Малика откинулась назад и опёрлась на руки, чтобы хоть как-то облегчить свои страдания.

Как только проснулись гормоны, её тело стало выкидывать фортели и округляться не только в желанных местах. Подростковая пухлость оставила болезненные царапины на самооценке и ворох ненавистных фотографий из средней школы. С тех пор увлечения Малики менялись, одно оставалось неизменным – похудение. Кирилл только посмеивался над сменой диет и стараниями подруги втиснуть себя в размеры одиннадцатилетней девочки. Малика не была полной, но ей всё время казалось, что для счастья не помешает скинуть пару-тройку килограммов.

По программе каноисты-одиночники шли последними, чтобы дожидаться выступления Кирилла, пришлось потратить нервы и голос на байдарочников. Малика старалась посещать все соревнования, которые проходили в крае, многие друзья и даже соперники Эдьки знали её в лицо и здоровались.

Рассматривая плечистых гребцов, она решила передвинуть их на первое место в иерархии фигуристых спортсменов, поставив на ступеньку ниже многоборцев-легкоатлетов.

Ответив на очередное приветствие, Малика услышала знакомый голос за спиной.

– Вы были правы, гребля – потрясающий вид спорта.

Она резко обернулась и неожиданно для самой себя засмушалась. Сзади, почти касаясь коленями её спины, сидел новый преподаватель Витольд Ефимович Овсянников. Их знакомство состоялось только сегодня утром, на первой лекции по органической химии. В отличие от её отца, он действительно носил звание профессора, но выглядел максимум на тридцать лет. Именно так Малика представляла себе Эраста Фандорина² без усов. На висках поблёскивала благородная седина, а облик так и кричал о редкой способности носить строгий костюм, словно в нём он и родился: привычно и небрежно. Даже сейчас, на спортивном мероприятии, мужчина

² Эраст Фандорин – персонаж серии книг «Приключения Эраста Фандорина» Бориса Акунина. Персонаж Фандорина воплотил в себе идеал аристократа XIX века: благородство, образованность, преданность, неподкупность, верность принципам. Кроме того, Эраст Петрович хорош собой, у него безукоризненные манеры, он пользуется успехом у дам, хотя всегда одинок.

позволил себе лишь одну вольность – снял пиджак. Его так и хотелось обозвать джентльменом и обращаться только на «вы», тем более он сам «выкал» всем студентам.

– Мой любимый вид спорта, – после длительной паузы ответила Малика.

– Позвольте? – Витольд Ефимович приподнялся, указывая взглядом на свободное место рядом с Маликой.

– Да, конечно.

Он перебрался на скамейку ниже уровнем.

– За кого бодем?

Малика нашла взглядом Кирилла. Он стоял довольно далеко, но узнаваем был с любого расстояния. Как обычно, в белом рашгарде³, чёрных тайтсах⁴ и алой бандане с тёмными полосками, в которых при ближайшем рассмотрении узнавались строчки из стихотворения Эдуарда Асадова. Раньше Малика высмеивала привычку Кирилла так одеваться, называла его первоклассником с пионом на голове.

Словно почувствовав пристальный взгляд, Кирилл обернулся и взмахнул рукой, изобразив жест одобрения, потом ткнул себя в грудь и сложил из пальцев цифру четыре.

Малика послала ему воздушный поцелуй и вдруг вспомнила о том, кто находится рядом, смутилась.

– За моего лучшего друга. Он будет выступать под номером «четыре».

Витольд Ефимович одарил Малику пристальным взглядом, сдобренный едва уловимой многозначительной улыбкой.

– Хотелось бы мне иметь такую подругу.

Она растерялась и тут же попыталась уточнить:

– Вы тоже спортом занимаетесь? За вас болеть некому?

Он явно хотел дать длинный ответ, но вместо этого коротко произнёс:

– Нет.

Малика заёрзала на скамейке, не зная, как сгладить неловкость.

– Мы уже давно лучшие друзья.

Преподаватель оглядел суетящихся у берега гребцов, ожидающих финишного заезда, и снисходительно заметил:

– Позвольте с высоты моего возраста выразить скепсис по поводу дружбы между мужчиной и женщиной.

– Сколько можно? – вспыхнула Малика. – Почему так сложно поверить, что такая дружба бывает?!

Витольд Ефимович опешил от резкого тона и продолжил уже не так уверенно:

– Значит, вас не связывают никакие романтические отношения с другом под четвёртым номером? – А после заминки добавил: – Или ещё с каким-нибудь другом?

– Нет. Не связывают, – раздражённо фыркнула Малика.

Разговор принимал какой-то странный оборот, и она никак не могла определиться, нравится ей это или нет.

Наконец на старте показалась лодка Кирилла. Зеркально окрашенная дека сливалась с поверхностью воды, отражая рябь на реке. Только белый прямоугольник с номером указывал на наличие каноэ, подтверждая, что гребец держится на воде не благодаря чуду.

Спортсмены замерли на старте, словно гончие, почуявшие добычу. Зрители, затаив дыхание, обернулись к акватории. Выстрел стартового пистолета дал сигнал к движению не только

³ Рашгард – компрессионная футболка, часть спортивной экипировки.

⁴ Тайтсы – разновидность тренировочных штанов из эластичной ткани, облегаяющие, компрессионные, что придаёт им повышенные аэродинамические возможности

для спортсменов. В тот же момент болельщики стряхнули оцепенение и бурно заголосили, подбадривая гребцов.

Малика вскочила на скамейку и, активно жестикулируя, верещала едва ли не громче всех. Ненавистная пуговица была тут же забыта.

Кирилл вышел со старта с заметной задержкой, что вызвало у Малики бурю негодования, но уже к первой отметке он подошёл пятым. Казалось, зеркальная лодка не плывёт, а летит стрелой над поверхностью воды, игнорируя силу трения. Отточенные, словно механические движения продвигали вперёд каноэ, постепенно нагоняющее лидеров. Кирилл двигался, будто не чувствуя усталости, мощными сильными гребками приближаясь к тройке спортсменов, вырвавшихся ещё на старте. Поравнялся с ними на некоторое время и за несколько гребков опередил почти на треть корпуса. Очередное движение весла – и он пересёк финишную линию.

Казалось, заезд занял всего несколько секунд: накал эмоций вырвал Малику из времени, заставив забыть об окружающем мире. Теперь же, увидев очередную победу друга, она вернулась в действительность. С досадой осознала, что в глазах преподавателя, который никуда не делся во время гонки, она выглядела не просто несдержанной, а, пожалуй, сумасшедшей.

Когда Кирилл причалил к пирсу, первым, кто его встретил, был тренер, как обычно, недовольный даже победой. Пока Малика неслась навстречу к другу, Михалыч успел выявить упущение на старте и покритиковал прохождение дистанции. Кирилл, соглашаясь, кивал, запоминал, но взглядом скользил по многочисленным зрителям.

Малика остановилась в нескольких метрах и подпрыгнула от нетерпения, готовясь кинуться на шею к Кириллу, как только тренер уйдёт с траектории её полёта. Боковым зрением она заприметила другую девушку. Зина стояла ближе, и тоже, судя по всему, планировала повиснуть на шее победителя.

Михалыч отошёл в сторону, открывая Кириллу вид на двух девушек в обманчиво застывших позах. Он посмотрел на Малику, перевёл взгляд на Зину и виновато пожал плечами.

– Извини, но для Кириухи ты не соперница. Она давно входит в тройку моих любимых женщин.

Растолковав его слова как сигнал к действию, Малика преодолела оставшиеся метры и повисла на друге, обхватив руками и ногами.

– Эдька, чемпион!

Она крепко прижалась к нему, её футболка тут же пропиталась влагой от мокрой одежды Кирилла. Молния на джинсах немного подумала и разошлась. Малика растерялась, одновременно почувствовав и благодарность, и негодование по отношению к предавшим её джинсам.

Кирилл отстранился.

– Опозорилась? Всё-таки штаны не резиновые.

Малика нехотя слезла с друга и одёрнула футболку.

– Это были мои нежно любимые джинсы. Сзади не треснули, и ладно. Молнию можно заменить. Похудею и снова в них влезу.

Кирилл обнял Малику рукой за шею, грубо взлохматил её волосы.

– Когда ты уже выпустишь на свободу свою задницу? Кто тебе сказал, что ты толстая?

Малика хотела ответить, но её взгляд наткнулся на недовольную Зину. Девушка сдерживалась из последних сил.

– Можно мне поздравить Кира?

Не дожидаясь, когда Малика отойдёт, Зина оттеснила её плечом и, притянув Кирилла за шею, впилась в него губами, явно обозначая свой статус для окружающих, но больше всего для Малики.

- Только не обслонявь, как бульмастиф⁵. Ему ещё на награждение идти.
- Хватит придумывать несуществующие слова!

Малика скосила взгляд на Кирилла. Даже рядом с высоким парнем Зина выглядела внушительно. Ширококостная, с большой грудью и плодородными бёдрами. Из тех, кто в тринадцать лет выглядят на восемнадцать, а в восемнадцать – устаиваются обращения по имени отчеству. С Зиной он встречался всего пару недель, но её глупость уже не была секретом. Малика придумала себе необычное развлечение – засыпала девушку выдуманными словами, настаивая на их истинности. Первое время Зина велась на её хитрость, переспрашивала, удивлялась широкому кругозору, пока одна из подруг не намекнула, что Малика просто издевается, считая её дурой.

Кирилл не вмешивался в перепалки девушек, но и глупость временной пассии не оспаривал, наиболее обидные шутки пресекал, но большую часть времени развлекался за счёт Кирюхи.

Малика только недоумевала, почему Кирилл вообще связался с такой ограниченной особой, пока друг прямо не ответил: секс. Такой ответ вызвал у неё ещё больше негодования и послужил хорошим поводом для шуток о «негативном влиянии итальянских старушенций на трезвость ума разноглазых юношей».

Весь следующий день институт бурлил в ожидании вечернего мероприятия – «Звезда пада первокурсников». Малика не планировала участвовать, а вот Кирилл озадачил собственный факультет, изъявив желание читать со сцены стихи. Его не волновало, что это идёт вразрез с репутацией сурового спортсмена и может вызвать шквал насмешек, он просто хотел это сделать.

Пообещав соседкам, что сегодня состоится знаменательное знакомство с её лучшим другом, Малика направилась за кулисы. Наблюдать за выступлением из зала она не планировала, хотелось увидеть лица студентов, когда они будут слушать Эдьку. Кирилл стоял, прислонившись к стене и откинув голову. Глаза были закрыты, губы слегка шевелились, проговаривая строчки. Белая рубашка, купленная в начале лета, натянулась на его груди, грозясь треснуть.

Малика дождалась, когда он почувствует её присутствие и вынырнет из транса.

– Волнуешься?

– Ещё как, – легко признался Кирилл, – на соревнованиях так не волновался.

Малика подошла ближе, расстегнула две верхние пуговицы на его рубашке, не дав ткани разойтись по швам при первом же глубоком вдохе. Расправила воротник, открывая вид на загорелую шею.

– Ты пахнешь рекой и солнцем.

– А говорила, что начисто лишена романтики, – Кирилл едва заметно улыбнулся. – Кстати, что это за великовозрастный мужик вертелся около тебя в коридоре?

Малика пожала плечами.

– Лектор приезжий, кажется, из Липецка. Он вчера на соревнованиях за тебя болел. – Она отвела взгляд.

Кирилл заметил попытку спрятать глаза, взял подругу за подбородок и повернул её лицо.

– Мне показалось, он с тобой заигрывал.

– Не показалось. Я почти уверена, что он флиртует со мной.

Малика дёрнула подбородком, освобождаясь от пальцев Кирилла, и мгновенно перешла в атаку.

– А что такого? Мне уже восемнадцать. Это не запрещено.

⁵ Бульмастиф – порода собак, отличающаяся повышенной слюнявостью.

Кирилл оглянулся, желая удостовериться, что у их беседы нет посторонних слушателей, и продолжил на тон ниже:

– Не запрещено, но всё-таки подобные отношения осуждаются. Будешь потом доказывать, что экзамен сдала своим умом.

– Не буду я ничего никому доказывать. Наплевать мне на чужое мнение, – вскипела Малика, именно потому что он озвучил её опасения.

Кирилл примирительно развёл руками:

– Ты мою итальянскую пессию называла старушенцией, а этот дядюшка явно старше.

– У нас ничего и не было, а может, и не будет, – пробурчала Малика.

– Будь осторожна, – зловеще начал Кирилл, – тяга к преподавателям у тебя в крови. Помнишь, как твоя мама познакомилась с Профессором?

– Не сравнивай меня с этой кукушкой, – Малика на секунду нахмурилась и задумчиво добавила: – Завтра отец приезжает с твоей бабушкой. Раньше наши родственники не особо общались, а тут уже второй раз едут навестить нас на одной машине.

– Летом Профессор сам меня доставил к тебе, хотя раньше убил бы на месте, если бы рядом унюхал.

Малика нехотя, словно смущённо, призналась:

– Я разложила карты на Веронику Петровну. В ближайшем будущем в личной жизни её ждёт судьбоносное событие, связанное с любовью. Там часто мелькал крестовый валет. Боюсь, нас с тобой ждёт сюрприз. Они, скорее всего, ещё летом хотели об этом поговорить, вот отец и пригласил тебя, чтобы заранее подружиться. Признаваться они и не думали.

– Да ладно! Профессор и бабуля? Не хочу тебя обидеть, но бабушка всегда считала твоего отца шарлатаном и, как бы помягче выразиться, насмехалась.

– Может, и насмехалась, но это не мешало ей бегать на шарлатанские консультации.

Кирилл удивился.

– Часто? И когда это началось?

Малика задумалась.

– Это всё в последний год. Ты же знаешь, отец тот ещё конспиратор, не обо всех случаях мне известно. Может, визиты были прикрытием для их отношений? Карты показывают их симпатию друг к другу.

Кирилл неискренне открестился.

– Карты же не могут показывать настолько однозначно.

Малика благосклонно на него посмотрела.

– Знаешь, что могут.

Кирилл скользнул взглядом над головой Малики, она обернулась и увидела незнакомку, тонкую и стройную, словно балерина. Девушка разминалась, повторяя танцевальные движения.

Малика щёлкнула пальцами перед лицом Кирилла.

– Ты её знаешь?

– Марина, – восхищённо выдохнул Кирилл, – с филологического.

Малика уже пристальнее оглядела девушку и снова повернулась.

– Да ты влюбился, дружище.

– Похоже на то, – не стал спорить Кирилл.

– Ладно, Ромео, не буду тебя отвлекать. Ты следующим выступаешь. Ни пуха.

Она хлопнула Кирилла по плечу и подмигнула, многозначительно скосив глаза на балерину.

– К чёрту, – ответил он.

Малика ушла недалеко, отступила в тень кулис, чтобы не отвлекать Кирилла, но при этом видеть сцену. Волновалась она не меньше него самого, нетерпеливо притопывала на месте и

грызла ноготь. Но Кирилл с первой же строчки смог захватить зал. Он свободно двигался по сцене и, казалось, просто разговаривал с публикой, обращаясь то к одному слушателю, то к другому.

*Проехав все моря и континенты,
Пусть этнограф в книгу занесет,
Что есть такая нация – студенты,
Веселый и особенный народ⁶!*

Никто, кроме Малики, не знал, что это публичное выступление со стихами первое для Кирилла, никто не видел его волнения, не заметил дрожания голоса.

Кирилла искупали в аплодисментах, особенно старались отбивать ладони студентки. Ранее покорённые им как видным спортсменом, теперь же влюблённые в его романтическую натуру. Оказывается, широкоплечий юноша с разноцветными глазами не просто надежда русской гребли, но ещё и тонко чувствующая личность.

Малика оглянулась, желая увидеть реакцию Марины. Девушка стояла не моргая, чуть приоткрыв рот, Кирилл явно её пленил, но, стоило ему вернуться за кулисы, она быстро спрятала восхищённое выражение под маской безразличия и равнодушно похвалила:

– Неплохо.

Кирилл не успел ответить, на него налетела Зина и принялась целовать.

Он отстранился, нашёл взглядом балерину. Она уходила на сцену, демонстрируя потрясающую осанку.

– Зина, полегче.

Он отодвинул от себя девушку, досадуя, что такое бурное проявление чувств увидела Марина.

– Какие прикольные стихи ты написал. Почему не показывал?

Малика ухмыльнулась, поймав взгляда Кирилла.

– Это не он написал.

Зина оглянулась.

– Ну, конечно. Опять из меня дуру делаешь?

Малика виновато опустила глаза.

– Ты и сама с этим прекрасно справляешься.

Она обошла парочку, напоследок подмигнув Кириллу.

Зина – временное явление, а вот Марина явно глубоко зацепила Эдьку и сильно напомнила Наташу – его первую школьную любовь. Тот же типаж и, кажется, те же манеры. Когда-то та милая добрая девочка доставила её другу много душевных терзаний и разбила сердце. Не хотелось бы повторения несчастной любви.

Наташа появилась в их дворе подобно чуду, когда весна первого школьного года цвела сиренью. Малика шла из школы позади Танечки и Кирилла, хотя им было по пути, они никогда не ходили вместе ни на учёбу, ни обратно.

В первый же день в школе Малика подралась с одноклассником, которому показалось, что её причёска больше похожа на драный веник. На критику Малика не умела отвечать сдержанно, только кулаками. Танечка тут же ввела в курс дела остальных ребят, сказав, что задира – дочка ведьмака и лучше с ней не дружить. Некоторые дети поверили, в основном девочки,

⁶ Стихотворение Эдуарда Асадова «Студенты».

а вот мальчишки решили выждать и принять решение потом, слишком уж им понравились боксёрские замашки новенькой одноклассницы.

К весне положение Малики в классе окончательно определилось. Ей досталась роль одиночки, с которой не особенно дружили, но и не задирали. Учительница подсаживала к ней за парту разных ребят, но к концу учебного дня все сбегали и просили посадить их хоть за шкаф, хоть в коридор, но только не со скорпионшей. Танечка позаботилась о слухах, отпугивающих потенциальных друзей. Малика не могла понять, какие чувства в ней вызывает навязанная роль. С одной стороны, её душила обида, что одноклассники не хотят дружить, с другой – злословить и драться было для неё привычной формой общения. Ей хотелось признания и симпатии, а как можно добиться этого, она ещё не знала.

Кирилл же, наоборот, оброс друзьями, не прилагая к этому особых усилий, даже учительница явно выделяла его среди других учеников. С Маликой он не ссорился, сохраняя молчаливый нейтралитет, никак не мог расстаться с давними мечтами об их совместных играх, где-то в глубине его души теплилась надежда, что они ещё могут быть друзьями.

Кирилл никогда бы не признался даже самому себе, что его восхищала дерзость соседки и равнодушие к мнению окружающих. Он и не подозревал, что смелость Малики произрастает из вороха комплексов и недостатка любви.

Кирилл нёс портфель Танечки вовсе не из романтических побуждений, этого требовало его воспитание. Только вот хозяйка тяжёлой ноши уже зачислила его в ранг воздыхателей. Малика шла позади, в нескольких шагах, вроде как и не с ними, но не одна. К разговору не прислушивалась, вертела головой, впитывая впечатления поздней весны.

На последнем повороте во двор, у разлапистого куста сирени Кирилл приостановился, чтобы переложить портфель в другую руку, так и замер, распахнув глаза. С обратной стороны куста стояла невероятно красивая девочка в розовом платье. Лёгкие, как у младенца, волосы шевелились на ветру, не обездвиженные причёской, ласкались к щекам. Девочка увлечённо выбирала пятилистные цветы. Отыскав, клала их на язык и, закрыв глаза, проглатывала.

Кирилл так бы и наблюдал за воздушной принцессой, но очарование момента нарушила Танечка, раздражённая его неподвижностью.

– Мы домой идём? Я уже есть хочу.

Кирилл вздрогнул, будто его облили холодной водой, и отвёл взгляд от феи за сиренью. В его душе родилось настойчивое желание зарифмовать свои чувства.

Девочка вышла на тротуар и с лёгкой улыбкой оглядела ребят.

– Привет. Меня зовут Наташа.

Кирилл не сразу понял, что пора ответить, настолько был ошеломлён собственными эмоциями.

Малика впервые увидела, как красота сразила наповал, а именно это и произошло с одноклассником.

Танечка оглядела незнакомку, в две секунды отметив хорошую одежду, модные босоножки, золотые серёжки в ушах, и решила с ней дружить.

– Я Таня Кузякина. Мой папа начальник швейной фабрики.

Кирилл наконец вернул себе дар речи и тоже представился:

– Меня зовут Кирилл.

Наташа хотела ответить, но тут мимо прошла Малика, намеренно наступив на ногу Танечке.

Та взвизгнула.

– Дебилка! Глаза разуй!

Малика, не останавливаясь, обернулась и показала язык.

За спиной чётко и специально, чтобы она услышала, прозвучали слова:

– С этой не дружи, она ненормальная, и отец у неё колдун.

Но Наташа не воспользовалась советом и на следующий же день после уроков нашла во дворе Малику. Дочка колдуна её заинтриговала непохожестью на неё саму: откровенной грубостью и смелостью остричь волосы под мальчика.

Наташина семья переехала из далёкого сибирского города, что объясняло молочно-белую кожу девочки и нездешний выговор. Квартира, которую заняла семья Петренко, долго пустовала. Необычная планировка, благодаря совмещению двух соседних квартир, сделала покупку этого жилища неподъёмной для большинства простых смертных.

Ещё два месяца назад наиболее внимательные жители пятиэтажки открыли для себя новое развлечение – попытку вообразить новых жильцов, судя по оборудованию для ремонта и стоимости мебели. По всему выходило, что новые квартиранты – люди небедные. Диван завезли непрактичный, белый, столовый гарнитур – из массива дерева, с шестью стульями на гнутых ножках.

Малика насчитала целых три телевизора, ещё один углядела зоркая Карина Карловна, председательствующая у бабушек на скамейке. Приезд люстр был обставлен словно вручение музыкальной премии, «почётные гости» прибыли на двух машинах и вносились торжественно. Все могли в деталях рассмотреть необычные творения из стекла и металла, в последнюю очередь напоминающие светильники. Когда всё было готово, приехали и сами хозяева. Отец семейства выглядел преуспевающим бизнесменом, но в чём конкретно он преуспел – осталось тайной. Мама Наташи – более взрослая копия дочери – была дизайнером интерьеров. Люстры оказались её творением.

Малика уже с утра успела испортить настроение пожилой благовоспитанной даме из третьего подъезда. Женщина сама напросилась, когда одёрнула спешащую в школу девочку.

– Отец тебя в таком виде в школу отпустил? С расчёской не знакома, что ли?

– А если бы была знакома, то была бы такой же проשמандовкой, как ваша дочка? – огрызнулась Малика, не до конца понимая, что вообще значит это длинное странное слово. Что-то ругательное, раз именно так обзывала свою дочку женщина, когда посещала Профессора, желая узнать, остепенится ли хоть когда-нибудь её девочка.

Женщина опешила не столько от дерзости Малики, сколько от мысли, что её беседа с колдуном имела свидетелей.

Малика уже выкинула разговор из головы и побежала догонять Кирилла и Танечку. Когда оставалось несколько метров, притормозила и поплелась в хвосте, демонстрируя полнейшее безразличие. Отцу пришлось соврать, что в школу они добираются втроём, иначе он доводил бы её самостоятельно до самых дверей, постыдно сдавая в руки учителю, как малолетку.

Наташа оказалась их ровесницей, но определили её в параллельный класс, по слухам, элитный, где учительницей работала сноха директора школы. Танечка очень хотела по этому поводу съязвить, но удержалась, потому что планировала дружить с новенькой. До школы Наташу довозил папа: не пристало принцессе пачкать обувь городской пылью.

Малика еле высидела уроки. Домой понеслась впереди всех, позабыв о конспирации. В своей комнате скинула портфель и, не переодеваясь, побежала к щенкам, которые объявились в их дворе только сегодня утром.

Пока жители пятиэтажки досматривали предрассветные сны, во двор въехала неприметная машина, скрипнула дверца, мужская рука брякнула на асфальт картонную коробку. Автомобиль уехал по своим делам, увозя водителя, в планы которого не входили щенята от дворяниги.

Рядом с коробкой Наташа и обнаружила Малику. Наташа хоть и выглядела воздушной принцессой, оказалась не брезгливой и доброй девочкой. Целовала мокрые носы питомцам и первой принялась сооружать им жилище. Малика даже решила пока с ней не драться.

Не успели они замучить своей лаской собачат, как претенденты подержать их и покормить набегали со всего двора. К вечеру коробка превратилась в уютный домик с мягкой под-

стилкой, а выбору блюд позавидовал бы и ресторанный критик. Каждый посчитал своим долгом принести для щенков что-нибудь съестное. Дворняжки разжились и старыми мягкими игрушками, добытыми с антресолей, чтобы питомцы не скучали и заодно точили зубы. На какое-то время между ребятами установился мир, родившийся из искренней детской любви к брошенным щенкам.

Кириллу запал в душу самый маленький и слабенький малыш. Он носил его на руках и уговаривал поесть. Малика выбрала себе чёрного, самого крупного, назвала Волкодавом, посадила в корзинку на руле и до вечера катала на велосипеде, знакомя с окрестностями. Оставшиеся два собачонка разделили любовь остальных ребят, не успевших застолбить себе персональных питомцев. Танечка тоже принесла щенкам кусок хлеба, но стояла в стороне, пытаясь понять, почему эти безродные животные вызывают у других ребят умиление. Ей приходилось изображать симпатию, чтобы не выглядеть чёрствой.

Малика пристроила велосипед у беседки, чтобы раздобыть своему любимцу особенное лакомство из кучи даров. Волкодав остался в корзинке, катание по кругу его здорово укачало, он устало свесил мордочку и прикрыл глаза. Танечка сама не поняла, как это произошло. Где-то в глубине той части души, которой она сама боялась, возникло желание причинить щенку боль. Момент что-то сделать выдался крайне удачным. Ребята укладывали питомцев спать и, увлечённые этим процессом, на Танечку не обращали никакого внимания. Дрожащими пальцами, пугаясь собственного поступка, она взяла щенка за шкирку и кинула на середину дороги.

За поворотом показалась машина. Танечка ощутила странное спокойствие, приправленное неожиданно острым удовольствием. Автомобиль приближался, словно в замедленной съёмке, она стиснула край платья, мысленно торопя водителя.

Когда до щенка оставалось несколько метров, наперерез машине быстрой тенью кинулась Малика. Подцепив Волкодава пальцами, она, не прекращая движения, пересекла дорогу и остановилась на обочине. Водитель даже не понял, что произошло, машина проехала дальше, не притормозив. Малика прижала питомца к груди, ощутив, как сильно колотится его сердце, совпадая с ритмом её собственного.

Ребята увидели только конец происшествия: отчаянный рывок Малики и спасённого щенка. Кирилл побледнел от страха, Малика бесстрашно кинулась под машину, а он растерялся, и его промедление могло бы обернуться смертью для собачонка.

Малика пересекла дорогу, продолжая прижимать к себе щенка. Её лицо перекошилось от гнева, глаза, обычно мутно-синие, потемнели, как грозное небо. Не говоря ни слова, она приблизилась к Танечке и ударила её кулаком в лицо. От внезапного нападения та потеряла равновесие и села на асфальт. Из её носа тонкими струйками потекла кровь. Ребята замерли, обездвиженные яростью Малики, и одновременно попятились, боясь её горящих глаз.

Танечка быстро пришла в себя и раскатисто закричала. Сквозь судорожные всхлипы прорывалось только одно слово: «Мама».

Сан Саныча долго ждать не пришлось. Женщина вылетела из подъезда подобно пушечному ядру. Её взгляд сканером прошёлся по замершим словно в стоп-кадре ребятам, чуть задержался на Малике и остановился на дочери, сидящей на асфальте.

Танечка всхлипнула и, ободрённая жалостью в глазах матери, заголосила с новой силой:

– Она ударила меня!

Малика и не подумала отпираться.

– Она кинула щенка на дорогу, прямо под машину.

Женщина подняла дочь и внимательно её оглядела: нос быстро наливался синим цветом.

– Ах ты, тварь малолетняя, ты разбила моей дочке нос!

Танечка всхлипнула ещё три раза и поспешила оправдаться:

– Не кидала я никого. Он сам выпрыгнул из корзинки и убежал. Тут как раз машина ехала.

Сан Саныч нависла над Маликой подобно обвиняющему прокурору.

– По тебе колония плачет, сопля зелёная. Чтобы больше пальцем не касалась моей дочки, иначе у тебя и твоего отца будут проблемы. Я тебе устрою весёлую жизнь.

Малика не отступила, стойко выдержала убийственный взгляд, хотя женщина напугала её и резким тоном, и мрачными посулами.

– Танечка кинула щенка под машину. Нарочно, – настойчиво повторила она.

– Ты посмотри, какая упёртая, тварь! – женщина резко дёрнула Малику за рукав и потащила в сторону подъезда. – Пусть с тобой отец разбирается, раз ты взрослых совсем не слушаешь!

Та попыталась выкрутиться из хватки Сан Саныча, ткань на рубашке жалобно затрещала и лопнула прямо по шву на плече. Женщина ослабила хватку, и Малике удалось выкрутиться.

– Я сама пойду.

Она шла, сохраняя дистанцию почти в метр, будто никто её и не конвоировал, и домой она возвращается по собственному желанию.

Профессор не был занят и смог уделить время для выслушивания лекции о всевозможных грехах дочери и о возмездии, которое обязательно обрушится на её голову, если она не исправится. Когда Сан Саныч выдохлась, он молча закрыл дверь и только потом обратился к Малике.

– Почему не переоделась и пошла во двор в школьной форме? – он красноречиво оглядел выпачканную юбку и порванную блузку. – Я говорил, что вещи – твоя ответственность и куплены тебе на целый год. Будешь теперь ходить на учёбу в рваной рубашке.

О щенке отец не сказал ни слова, хотя Малика не оправдывалась при матери Танечки и свою версию не озвучивала.

– Я не умею шить, – сникла она.

Отец уже стоял в дверях кухни, но оглянулся.

– Вот и учись. До завтра никаких прогулок. Ты наказана.

Малика поплелась в свою комнату, стянула школьную форму, но не кинула её, как обычно, а повесила на стуле. Переоделась и села на подоконник. Ребята всё ещё возились со щенками, затеяли какую-то игру и натащили еды ещё на две недели.

С Волкодавом теперь играла Наташа, она словно нарочно заняла такое место на скамейке, чтобы Малике было хорошо видно из окна.

Ближе к вечеру вышел дядя Коля – хозяин несчастливой квартиры, под окном которой и расположился новый дом щенков. Смерив детей сердитым взглядом, проворчал:

– Галдите весь день, никакого покоя от вас. А ну кыш отсюда!

Ребята засуетились, неосознанно пряча любимцев от сурового мужчины.

Утеплённый домик и шведский стол щенков сильно не понравились дяде Коле. Выглядело всё это так, будто устроено было всерьёз и надолго.

– У меня дача есть, там будка осталась от старого пса. Я щенков завтра туда увезу. Там им лучше будет, привольнее. До вечера можете играть.

Озвучив своё решение, он уселся на лавочке и закурил. Какое-то время ребята переваживали информацию, пытаясь свыкнуться с тем, что приобретённые только сегодня питомцы уже завтра будут вне их заботы.

Наташа прижала к себе Волкодава и трогательно попросила:

– Заберите на дачу их домик с подстилками, чтобы они не замёрзли ночью.

– Заберу, – легко согласился дядя Коля.

Кирилл недоверчиво переспросил:

– Обещаете?

Мужчина щелчком отправил окурочек в палисадник и присмотрелся к мальчику.

– Малой, ты что пристал? Не веришь, что ли?

– Верю, – нерешительно промямлил Кирилл. Выражать несогласие с решением взрослого он ещё не умел и опасался.

Кирилл постоянно оглядывался на окно Малики, её расстроенное лицо виднелось за стеклом довольно долго. Выглядела она обиженной и одновременно злой. Кирилл распрошлся с любимым щенком, удостоверился, что тот хорошо устроился на ночь, и направился домой. Но у своей квартиры приостановился, резко развернулся к соседней двери и нажал кнопку звонка. Профессор открыл сразу же, будто караулил незваного посетителя в прихожей.

– Чего тебе?

Кирилл на мгновение растерялся из-за откровенной агрессии, прозвучавшей в голосе мужчины, но решил не отступать.

– Я просто хотел сказать, что Танечка действительно бросила щенка на дорогу, поэтому Малика её ударила.

Профессор прищурился, присматриваясь к нему.

– Наказана она не за это, – и, ставя точку в их первой за несколько лет беседе, просто захлопнул дверь.

Малика уже спала, когда отец тайком взял её блузку и зашил рукав. Отстирал и выгладил юбку и вернул вещи уже под утро, аккуратно развесив на стуле.

На следующий день по пути в школу Малика заметила, что домик щенков исчез, вместе с подстилками и тарелками. От Наташи она узнала, что дядя Коля отвёз их питомцев на дачу, где им будет привольно и хорошо, но её тоска по Волкодаву от этого меньше не стала.

Через несколько недель, возвращаясь с пустыря непривычной дорогой, Малика заметила у мусорных контейнеров знакомую коробку с ярким куском материи, сильно напоминающим её старую куртку, пожертвованную щенкам в качестве подстилки. Из кучи мусора выглянула знакомая мордочка уже подросшего собачонка, одного из тех, что купались во всеобщей любви. Любимец Кирилла ковырялся в отходах чуть в стороне. Малика обошла контейнеры, посмотрела в кустах, но ещё двух щенков нигде не было.

Она хотела уже бежать домой, чтобы рассказать ребятам о находке, но тут её взгляд зацепился за чёрную шкурку на асфальте. Машина сбила Волкодава уже несколько дней назад, на расплюсненном тельце отпечатались не один след от протекторов, но, к сожалению, он всё ещё оставался узнаваем.

Малика села на бордюр в нескольких метрах от мёртвого любимца и, не в силах оторвать взгляд от щенка на дороге, какое-то время не шевелилась. Несколько машин переехали его снова, практически не почувствовав препятствия. Дважды к контейнерам приходили люди и выкидывали мусор, на неё поглядывали с подозрением, но не беспокоили.

Малика глубоко вздохнула, загоняя злые слёзы обратно, консервируя своё горе внутри. Резко встала.

До своего двора она добежала быстро, в боку кололо, дыхание сбилось. Пронеслась мимо ребят на площадке прямо к скамейке, на которой сидел дядя Коля. Замерла перед ним, успокаивая ненависть и презрение, сжала кулаки и выплюнула всего два слова:

– Вы говнюк!

Не дожидаясь реакции, убежала в свой подъезд.

Мужчина глубоко затянулся очередной сигаретой, проводил взглядом Малику, но не сделал попытки возмутиться или ответить на оскорбление. Несмотря на чёрствость, он догадался, чем вызван этот всплеск сквернословия.

Малика так никому и не рассказала о находке у контейнеров, но старалась регулярно носить туда еду. Через месяц ни одного из щенков она там не обнаружила, но ещё какое-то время оставляла им часть своего завтрака.

Почти год Малика усердно сторонилась Танечки: не общалась в школе, не играла во дворе, откровенно игнорировала, даже если та обращалась именно к ней. Лето, проведённое у

бабушки в деревне, сгладило воспоминания, время подкорректировало их, совместив жестокий поступок одноклассницы и трагичное событие у контейнеров.

На каникулах от печальных мыслей отвлекло новое знакомство с деревенскими мальчишками Димой и Вале́й. Братья-близнецы, хоть и оказались ровесниками Малики, выглядели младше из-за невысокого роста. Зато оба охотно разделяли тягу к приключениям и исследованию небольшого лесочка прямо за речкой Калинкой, давшей название деревне.

В город Малика вернулась исхудавшей и непропорциональной, словно голенастый жеребёнок. От детской миловидности не осталось и следа. Черты лица заострились и резко повзрослели. Теперь никто бы не смог назвать её ребёнком, и на девочку она походила меньше всего. Из-за скачка в росте пришлось обновить гардероб к школе. Во время покупки брюк Малика и уговорила отца записать её в секцию кикбоксинга.

Практически в это же время Василиса Максимовна отвела Кирилла на карате. Этот вид единоборств так его увлёк, что он думал и говорил только о новых приёмах, соревнованиях и обещанном в будущем чёрном поясе. Кирилл оказался способным ребёнком, легко и с удовольствием постигал основы борьбы. Помимо обязательных четырёх тренировок в неделю, ежедневно занимался самостоятельно: качал пресс, отжимался, на площадке облюбовал турник и шведскую лестницу. Меньше чем за год он умудрился из хлюпика, напоминающего девочку, превратиться в мальчишку, который наконец-то выглядел на свой возраст. Изменились осанка и взгляд.

Малика сильно не распространялась о своём увлечении кикбоксингом, правда, и секрета не делала. Вскоре об этом узнали ребята во дворе, стали дразнить Малику и Кирилла, нарочно сравнивая боевые искусства.

В начале весны, когда снег медленно угасал под деревьями и в тени подъездных козырьков, Малика задумала зажечь на пустыре костёр. Неразлучные Сенька и Виталик сразу же подхватили идею. Принесли из дома собранную для школы макулатуру, зажигалку раздобыла Малика. Остальных ребят не звали, но стоило новости о предстоящем кострище промелькнуть в эфире, те сами устремились на пустырь. Наташа уже давно пыталась занять пустующее место лучшей подруги Малики, но та упорно открещивалась от её симпатии и не стремилась сблизиться. За Наташей потянулся Кирилл. А там уже подросла и Танечка с подругами.

Пришлось хорошенько порыскать по пустырю в поисках сухих веток, пригодных для костра. Почти всё, что удавалось найти, насытилось влагой и не намеревалось гореть в ближайший месяц.

Малика оглядела засохшее дерево, вздымающее чёрные ветви в пасмурное небо. Подпрыгнула и, уцепившись пальцами за нижнюю ветку, принялась на ней раскачиваться. Но дерево не собиралось так легко расставаться с конечностью, хоть та и трещала под весом девочки.

Кирилл оглядел обезьяньи катания Малики и категорично заявил:

– Не получится. Давая я.

По привычке, выработанной за этот год, неосознанно изобразил пару ударов кулаками по воздуху.

Малика висела к нему спиной, но в прыжке успела повернуться и, приземлившись, приняла боевую стойку.

– Это кто это тут вякает? Каратист? Не лезь, без тебя справлюсь. Хрень собачья твоё карате.

– Это кикбоксинг твой полная хрень, – не остался в долгу Кирилл.

За два года в дворовой компании он подрастерял воспитанность и научился отвечать на грубость соответственно.

– Хочешь сравнить? – надменно предложила Малика, делая шаг вперёд.

Кирилл поднял руки, как учил тренер, закрывая солнечное сплетение и челюсть, хотя до последнего не собирался драться.

Привлечённые спором, вокруг них начали собираться ребята. Битва единоборств, которой ожидали почти год, обещала состояться прямо сейчас. Ободрённая горящими глазами зрителей, Малика обидно и больно щёлкнула Кирилла по носу. Он дёрнулся от удивления, на глазах выступили постыдные слёзы. Кирилл хотел уже отступить, но поймал взгляд Наташи. В нём сквозило что-то унизительно-жалостливое. Его рука помимо воли взметнулась и глухо врезалась в плечо ошеломлённой Малики.

Началась полная неразбериха. Драка меньше всего напоминала спарринг каратистов или кикбоксёров, скорее свару двух котов. За те несколько минут, что длилось это безобразие, Кирилл успел пожалеть, что не сдержался. Малика дралась отчаянно, словно на кону была её жизнь. Будучи слабее физически, она выигрывала в яростном напоре и безжалостности.

Виталик и Сеня не стали ждать победы одного из драчунов и кинулись их разнимать. С Маликой пришлось повозиться. Взъерошенная и заведённая адреналином, она отталкивала друзей, намереваясь закончить битву как минимум нокаутом.

Кирилл остыл быстро и окончанию позорного сражения скорее радовался. Теперь ему было стыдно перед Наташей за несдержанность. Лучше бы он ей стихи показал, это она бы точно оценила больше, чем унизительную склоку с девчонкой.

Спустя несколько минут ребята продолжили поиски хвороста, словно ничего и не произошло, но Сеня и Виталик предусмотрительно не подпускали драчунов друг к другу, выдерживая между ними расстояние в несколько метров. Кирилл выглядел спокойным и даже винноватым, а Малика всё ещё бушевала и не отказалась бы продолжить поединок.

Обязанности Прометея Малика взяла на себя и никому не доверила зажигалку. С третьей попытки занялась не только бумага, задымились ветки, обломанные у несговорчивого дерева.

Ребята радовались огню, словно первобытные люди, вынужденные всё предыдущее существование довольствоваться сырым мясом и покрываться ином.

Виталик и Кирилл притащили небольшое бревно, на котором разместились девочки. Все, кроме Малики. Она демонстративно проигнорировала предложенный насест и опустилась на корточки, как остальные мальчишки.

На правах носителя зажигалки она ворошила длинной палкой в костре, командовала, когда следует подкинуть веток. От оранжевых языков пламени веяло жаром, а спины влажно облизывали подступающие сумерки. Малика застегнула молнию на ветровке под самое горло и вытянула руки к теплу. Кирилл сидел с другой стороны костра, украдкой рассматривал Наташу. Все уже заметили его симпатию, но пока никто по этому поводу не ехидничал, ждали Малику. Но обычно резвая на язык Колючка не торопилась с язвительными репликами.

Малика перехватила очередной робкий взгляд Кирилла и вздрогнула. Его подсвеченные огнём глаза выглядели жутко. Чёрный – затягивал внутрь, как тоннель, а зелёный – светился янтарём. Малика с досадой осознала, что хотела бы себе такие глаза – запоминающиеся, необычные, даже чуточку страшные.

Виталик и Сенька заговорщически переглянулись и достали сигареты. Среди девочек пронёсся ропот негодования. Виталик равнодушно вытянул из костра палку и прикурил от её тлеющего конца. Наташа гадливо скривилась. Кирилл тут же воспользовался возможностью выглядеть в её глазах рыцарем.

– Пацаны, может, не надо? Девочки же тут.

Виталик ухмыльнулся. Ему нравилось выглядеть старше, репутация дерзкого заводила льстила. Он глубоко, как опытный курильщик, затянулся и обратился к Малике:

– Будешь?

Она тут же приняла вид искушенной в этом вопросе особы.

– Бросила. Я же теперь спортом занимаюсь.

Сенька одобрительно цокнул языком.

– Как знаешь.

– Я буду, – неожиданно встряла Танечка.

Виталик протянул ей свою сигарету и объяснил, как нужно затягиваться. Танечка попыталась выглядеть довольной, хотя едкий дым обжёг горло, а глаза заслезились.

– Круто, – прокашляла она.

Малика смерила её презрительным взглядом, но промолчала.

Сумерки стали плотнее, догорающий костёр уже не спасал от стелющегося по пустырю холода. Ещё чуть-чуть, и ребят начнут звать родители, а Кириллу и Наташу, скорее всего, уже объявили в розыск.

Малика уходила в числе последних. Убедилась, что костёр потушен и не разгорится вновь из-за случайно оставленной искры. В деревне у бабушки безалаберные любители шашлыков на природе несколько раз становились виновниками пожаров.

Взбежав на второй этаж, Малика тихо открыла входную дверь и даже успела практически бесшумно повесить куртку, как в прихожей загорелся свет. Профессор стоял у выключателя уставший, но не рассерженный. К самостоятельным прогулкам дочери он давно привык и ругать за позднее возвращение явно не собирался, пока не унюхал от куртки сигаретный дух.

– Ты курила?

Малика на мгновение растерялась.

– Нет.

– Не ври, – отчеканил Профессор и, обойдя застывшую Малику, брезгливо двумя пальцами приподнял рукав куртки. – Кто курил рядом с тобой?

Малики суетливо озиралась в освещенной комнате. Врать отцу не было смысла, он всегда распознавал ложь, а за попытку мог и наказать. И всё-таки Малика попыталась.

– Я только попробовала.

По лицу Профессора невозможно было понять, поверил он или нет.

– Понравилось?

– Нет, – уже смелее солгала Малика.

Запах и правда был гадостный. Виталик учил Танечку затягиваться слишком близко, и Малика успела надышаться.

– Если что, я могу купить тебе пачку, но выкуришь ты её дома и на моих глазах.

Профессор уже собирался закончить нравоучительную беседу, как увидел на куртке Малики в районе локтя три прожжённых дырочки диаметром как раз с сигарету.

Он ещё ничего не сказал, но по глазам Малика поняла – наказания не избежать. Отец бросил взгляд на бумажный календарь на стене и будто наугад ткнул пальцем в следующий месяц.

– Без прогулок до апреля. Только в школу и обратно.

– А кикбоксинг? – уточнила Малика, зная, что спорить и умолять бесполезно.

– На тренировки будешь ходить. Но после чтобы как штык была дома! И нигде не задерживалась, иначе водить тебя буду сам. Понятно?

– Понятно.

Малика поникла и поплелась в свою комнату.

Авторство прожжённых отверстий, естественно, не было для неё секретом. Их оставила та самая Танечка, которую она почему-то не выдала отцу.

До апреля оставалось почти две недели, Малика чувствовала себя самым несчастным человеком на свете. Во дворе без её участия расцветала весна, и весёлая жизнь буквально касалась стекла, но не пересекала границы её комнаты, дразнила, заманивала и отступала, как волна.

В предпоследний день заключения Малика сидела на подоконнике, открыв оконную створку, и с горечью наблюдала за гонками на велосипедах. Ещё секунду назад яблоко в её руках казалось сладким, а сейчас превратилось в безвкусный картон.

Дверь подъезда открылась, по ступенькам сбежал Кирилл. Он остановился прямо под распахнутым окном и нашёл взглядом Наташу. Малика видела только макушку и плечи, но даже по замершей позе могла представить влюблённо-мечтательное выражение на его лице. Впервые кто-то из её ровесников, не боясь, проявлял симпатию и так откровенно восхищался другим человеком. Малике стало завидно.

– Эй, зубоскал!

Кирилл поднял лицо вверх, встретился взглядом с растрёпанной соседкой, бесстрашно сидящей на подоконнике у открытого окна. Её нога болталась на улице, шурша мыском по кирпичной стене. Одно неловкое движение, и Малика вывалилась бы наружу.

Она последний раз откусила от сочного фрукта и неожиданно предложила:

– Хочешь яблоко?

Кирилл растерялся, приняв предложение за галлюцинацию.

– Что?

– Глухой, что ли? Яблоко хочешь?

– Хочу, – простодушно признался он, не веря, что Малика, о благосклонности которой он давно мечтал, впервые проявила к нему дружелюбие.

Искренняя улыбка украсила лицо Кирилла. Малика ответила на улыбку, но отказаться от задуманной пакости и не подумала.

– Лови.

Она прицелилась и кинула огрызок. Раздался сочный шлепок, снаряд угодил прямо в лоб Кириллу. Он выглядел не просто ошарашенным её поступком, а обиженным до глубины души. Вытерев лоб, он снова поднял взгляд на окно.

– Я никогда не буду с тобой дружить.

– Тоже мне, напугал! В гробу я твою дружбу видала!

Малика наигранно рассмеялась. Слова Кирилла почему-то сильно её задели. Обычно именно она решала, с кем дружить, а с кем нет.

Спрыгнув с подоконника, она захлопнула окно и шумно фыркнула: не нужна ей дружба чёртового каратиста.

4 глава. Кирюха

Первая зима студенческой жизни пришла внезапно, как часто бывает на юге. По календарю это случилось ещё два месяца назад, но зимой это промежуточное время года и не пахло, скорее затяжной поздней осенью. А вот начало февраля отметились мелким, словно манная крупа, снегом. Вымученный природный подарок к общему празднику для Малики и Кирилла.

Коммунальные службы так испугались первого снега, что тут же закидали его песком и солью. Только на деревьях он сохранился в первозданном виде, хоть и несколько скудном.

Малика скользила по грязной каше в направлении кафе, где её ждал Кирилл. Его силуэт виднелся в широком окне, однако соседний стул был уже занят.

Со «Звездопада первокурсников» не прошло ещё и полгода, а Малика уже чувствовала себя опытной, умудрённой студенткой. Сдав первую сессию на отлично, она совершенно возгордилась. Вспомнив экзамены, Малика печально вздохнула: Витольд Ефимович уехал в Липецк. Дальше флирта, порой довольно откровенного, они так и не продвинулись. Зря только она ночами готовилась к его экзамену, намереваясь использовать меткие ответы по предмету как стрелы купидона, дабы пронзить преподавательское сердце.

Малика светилась от радости, предвкушая огромный кусок торта, который она себе позволит, и даже не будет пилить за обжорство, проклиная каждую калорию.

В пятнадцать лет друзья решили объединить свои дни рождения в один. Малика родилась летом, Кирилл – весной, но праздновали четвертого февраля. Дату выбрал Кирилл, месяц – Малика. Уже четыре года они благосклонно принимали поздравления от родственников в истинные дни рождения, но по-настоящему праздновали их только в конце зимы.

Прямо у дверей кафе ноги Малики разъехались, и она неэстетично шлёпнулась в неглубокую лужу. Чертыхнувшись, отряхнулась и вошла в кафе уже совсем в другом настроении.

Увидев подругу, Кирилл махнул рукой и снова вернулся к прерванной беседе с Зиной. Столик был рассчитан на двоих, и Малика застыла рядом с девушкой, намекая, что та занимает не своё место.

Зина нервно поправила выбившуюся из причёски прядь и, мельком взглянув на Малику, зацепилась взглядом за грязные джинсы – на её лице тут же засветилось злорадство.

– Тебе бы домой, переодеться, – предложила она, надеясь, что совет будет услышан и принят к исполнению.

Кирилл встал, освобождая свой стул.

– Садись, я попрошу у официанта влажные салфетки.

Малика проводила друга взглядом неосознанно, к его внешности она привыкла, но вот посетительницы кафе оценили хорошую фигуру, на которой даже простые джинсы и свитер смотрелись лучше, чем на манекене. Став студентом, Кирилл изменил причёску, сделав новомодный «топ-кнут»⁷. Выбритые виски подчеркнули необычный разрез глаз и высокие скулы.

Малика понимала, почему Зина терпит от её друга унижительное обращение, наверное, ей льстило звание девушки Камарицкого, к тому же он умел быть и ласковым, и внимательным.

Вернулся Кирилл не только с салфетками, но и с огромным куском шоколадного торта. Поставив тарелку на столик, прямолинейно заявил:

– Зин, тебе пора. Сегодня наш с Кирюхой день. Мы всегда празднуем свой день рождения вдвоём.

Зина выслушала, мучительно краснея.

– Ты что, меня прогоняешь?

⁷ «Топ-кнут» – мужская стрижка, хвостик или петля из волос, собранные на затылке. Дословно переводится как «узел на макушке». Предполагает выбривание висков.

Малика почувствовала напряжение: впервые Зина рискнула нарваться на отказ, обычно отступала без боя, боясь потерять Кирилла окончательно.

– Когда ты пришла, я тебе сразу сказал, что жду Кирюху, – нетерпеливо напомнил он, нависнув над столом.

Зина вскочила, едва не опрокинув стул.

– Если сейчас ты выберешь свою ненаглядную Кирюху, мне можешь не звонить, – решилась она на ультиматум.

Кирилл сощурился, думал недолго, к этому и так всё шло.

– Пока, Зин, – не колеблясь, сделал он выбор.

Девушка вылетела на улицу, красная от злости и стыда. До последнего момента она надеялась, что Кирилл предпочтёт её.

Малика проводила рассерженную фурию сочувствующим взглядом и тут же отругала приятеля:

– Ну ты и скотина.

Кирилл сел напротив и придвинул тарелку с десертом к Малике.

– Это же наш день. Никаких Зин, Стасиков, Дим.

– Наташ и Марин, – подсказала она. – Но ты всё равно скотина. К чему вообще было морочить ей голову?

Кирилл откинулся на спинку стула.

– Я и не морочил. Сразу обозначил границы наших отношений. Секс, и не более.

Малика взяла вилку и отломил большой кусок от торта, прежде чем съесть полюбовалась, приняхалась и только потом отправила в рот.

– Границы? Бестолочь. Какие границы могут быть у чувств. Что бы сказали на это твоя мама и бабушка?

Кирилл поник, слова Малики попали точно в цель. На его лице тут же расцвели пятна стыда. Краснел он не так уж и часто.

Удовлетворившись такой реакцией, Малика смягчилась. Придвинула тарелку к Кириллу и отдала свою вилку.

– Ладно, Эдка, лопай, – достав пару салфеток, она принялась очищать джинсы. – Итальянская нимфоманка разбудила в тебе монстра.

Кирилл мечтательно улыбнулся, вспоминая летние приключения.

– Могу и на тебя наброситься, Кирюха. Ты симпатичная, хоть и колючая. По твоей вине без девушки остался, куда мне теперь девать нерастраченное желание?

Малика вернула себе тарелку и в два укуса доела торт.

– Я тебе на узел завяжу твоё желание, например, двойной булинь⁸. Не забыл, что мы как бы родственники?

– Не забыл. Но Профессор этого так и не подтвердил.

– Ну и фиг с ней с Зиной. Зато теперь сэкономишь на презервативах. Ты же предохранялся?

Последняя фраза прозвучала довольно громко и привлекла внимание посетительниц за соседним столиком. Девушки переглянулись и зашептались, заинтриговано поглядывая на Кирилла.

Он смущённо улыбнулся. Прямота Малики до сих пор его поражала, а ей, в свою очередь, нравилось, когда он выглядел таким вот растерянным и ранимым.

– Зная историю моей семьи, могла бы не сомневаться в этом. Представляешь, насколько остро у нас стоял вопрос предохранения?

⁸ Булинь, по-другому – беседочный узел. Один из основных и наиболее древних узлов общего применения. Незатягивающаяся концевая петля.

Малика широко улыбнулась, демонстрируя шоколадные крошки в зубах.

– Ты, наверное, о презервативах узнал раньше, чем о том, что деда Мороза не существует.

– Как не существует? – искренне расстроился он и придвинул к Малике стакан с водой.

Она отпила глоток и усмехнулась, Кирилл поймал её задумчивый взгляд и тоже улыбнулся.

Заговорили они одновременно:

– Помнишь, в десять лет...

– Помнишь, на первое сентября...

Прервавшись, громко рассмеялись. Малика кивнула, позволяя Кириллу озвучить общее воспоминание.

– Ты пришла в школу с надутым презервативом вместо шарика. Софию Премудрую чуть удар не хватил. Она, кажется, до последнего думала, что ты не в курсе, что держишь, и кто-то жестоко тебя разыграл.

Малика довольно улыбнулась.

– Наивная женщина. А ведь знала меня уже три года, могла бы и догадаться, что это именно моя идея. Жалко, чудо-шарик быстро лопнул. Только на паре фоток и засветился.

Кирилл наклонился над столом и стёр пальцем шоколадный след из угла губ Малики.

– Должен тебе признаться: это сделала моя мама. Она не смогла смириться с таким позором, отломил от розы шип и проколола твой шарик.

Малика заливисто рассмеялась.

– Ну круто же было?

– Не то слово, – он привстал, собираясь уходить. – Какая программа у нас на сегодня?

Малика накинула на плечи рюкзак и взяла его за руку.

– В этом году я придумываю подарок.

Они вышли на улицу, но не успели отойти от дверей, как Кирилл упал в ту же лужу, что десять минут назад приняла в свои объятия Малику. Он встал, отряхнулся и с досадой оглядел мокрые джинсы.

– Придётся идти домой, переодеваться. Что ты там придумала?

– Есть всё-таки высшая справедливость, там же искупался, где и я.

Малика загадочно улыбнулась и повела Кирилла в сторону дома. Точнее, его квартиры.

– Никуда не пойдём, у меня сюрприз.

В начале декабря женщины Кирилла сделали ему грандиозный подарок – приобрели в кредит двухкомнатную квартиру, которую частично обставили подержанной мебелью, купленной через интернет, а кое-что переехало из их квартиры. В кухне поселился шикарный стол, но ни один стул не прижился. Роль шкафа исполняла открытая вешалка и старинный деревянный комод с латунными ручками, помимо этого мебельного винегрета в комнате расположилась большая двуспальная кровать, принявшая на себя основной удар после отказа её владельца от celibата. Чуть позже Кирилл докупил в свою комнату большое зеркало в пол, в зал – диван, а на кухню – холодильник. На этом пока решил покончить с мебелировкой. Малика настояла на шторах хотя бы в спальне, чтобы спонтанные проявления эксгибиционизма хозяина квартиры остались без свидетелей.

Теперь гордый обладатель собственного жилища мог полноценно наслаждаться студенческой свободой: возвращаться в любое время, ни под кого не подстраиваться и есть полуфабрикаты. Малика практически жила у него, готовила на его кухне, решив спасти организм Кирилла от раннего гастрита и ожирения, но никогда не оставалась ночевать. Профессор строго следил, чтобы непутёвая дочка в положенное время находилась в общежитии, и при случае общался с бдительным комендантом.

Малика почти бежала, волоча его за руку, и рассуждала вслух:

– А кто год назад татухи придумал? Притащил меня в салон без предупреждения. Пришлось придумывать, чем себя разукрасить, за две секунды. Вот и вышло чёрт-те что. Перекошенные человечки со скрюченными ножками.

Малика остановилась и задрала рукав, демонстрируя упомянутого человечка на внутренней стороне запястья. Существо не больше трёх сантиметров, похожее на наскальный рисунок, с единственной цветной деталью – зелёным глазом. У Кирилла на руке был точно такой же уродец, но ни глаз, ни носа у него не было, только широкая улыбка в полголовы.

Кирилл оглядел аккуратную татуировку на запястье Малики.

– Так ведь и задумано – стилизованный рисунок.

Она ухмыльнулась и снова продолжила движение.

– А ещё год назад ты потащил меня на каток. Я на коньках впервые стояла и почти час билась об лёд, как мазохистка, пока не научилась скользить вдоль бортика.

Кирилл остановился у подъезда и приложил магнитный ключ к домофону.

– Зато потом тебя не могли выгнать с катка, чуть не погрызла инструктора, когда он пытался тебя выпроводить.

Поднявшись на третий этаж, Кирилл открыл двери и пропустил Малику вперёд. Она разулась и сразу же направилась в ванную. Пока мыла руки, Кирилл принёс свою футболку и домашние штаны.

– Подвернёшь снизу, и тесёмки на поясе расслабь, чтобы попец влез.

– Ах ты ж гад! Сам убеждал, что я нетолстая!

Кирилл едва успел захлопнуть двери, как в них врезались грязные джинсы, скатанные в комок.

Когда Малика вернулась в комнату, Кирилл уже переоделся, сидел на краю стола с кружкой чая. Окинул Малику внимательным взглядом, присматриваясь. В его голове образ расстрёпанной драчуньи в синяках и ссадинах никак не желал сливаться с этой новой красивой девушкой. Волосы отросли до плеч, придав лицу мягкость, фигура округлилась в положенных местах, но взгляд оставался всё таким же озорным, с вызовом и плутовством.

Он широко улыбнулся.

– Это я говорил до исполинского куска шоколадного торта в кафе.

Малика вышла в прихожую и вернулась уже с рюкзаком. Обойдя стол, уселась на подоконник и растянула молнию. Её рука нырнула в недра рюкзака и замерла там, намеренно интригуя.

– В этом году мы никуда не пойдём. Я придумала тебе другой подарок.

Кирилл застыл в ожидании, не отрывая настороженных глаз от руки Малики.

Она медлила, наслаждаясь его нетерпением. Дождавшись, когда он наконец моргнёт, выудила небольшую книжку в мягкой глянцевой обложке.

– Это тебе. – Уже протягивая подарок, почувствовала, что жутко волнуется, пальцы дрожат.

Кирилл привстал со стола и коснулся подарка, сразу не вытянул из рук Малики, и какое-то время они оба держали книгу. На мутно-зелёной обложке, напоминающей рябь на поверхности реки, размашисто рукописным шрифтом было выведено его имя и фамилия.

Малика разжала пальцы и перевела взгляд на лицо Кирилла. На нём успело смениться несколько эмоций, прежде чем застыло изумление, смешанное с благодарностью.

– Это мои стихи?

– Пушкина, – по привычке огрызнулась Малика. – Твои, естественно.

Несколько лет подряд она собирала все клочки, на которых Кирилл записывал рифмованные строчки, когда его посещало вдохновение. Ни один черновик не выкидывала, складывала. Выпросила блокноты у Василисы Максимовны. Отрывков и вполне готовых стихотворений накопилось на целую книгу, которую она и заказала в типографии.

Кирилл растерялся, глаза наполнились слезами от странных чувств: щемящей радости и признательности.

– Спасибо, – глухо отозвался он, не решаясь поднять взгляд, чтобы не выдать захлестнувших его эмоций.

– Эдька, дурак. Ты что, плачешь? – Малика безжалостно растормошила хвост на его затылке и, оттопырив ему уши, развернула лицом к себе. – Согласна, некоторые твои творения – это не просто слёзы, а прямо кровь из глаз. Особенно любимая рифма «любовь-вновь» и «ушла-могла».

Кирилл крепко обнял Малику, вжимаясь носом в изгиб её шеи, и повторил:

– Спасибо, Кирюха. Это лучший подарок.

– Может, ты и мне когда-нибудь посвятишь стихотворение. – Малика заёрзала, высвобождаясь из медвежьих объятий.

– Уже два посвятил, и ты их видела, – напомнил он.

– Это те, что называются «Сколопендра» и «Чертополох»?

Кирилл отступил к столу и снова взялся за чашку с чаем.

– Они самые. У меня нет для тебя равноценного подарка.

Малика задумалась, почёсывая стопой голень.

– Подари мне обещание. Когда-нибудь попрошу тебя о чём-то для меня важном, и ты не посмеешь отказать, – она приблизилась к нему, заглянула в зелёный глаз, намеренно избегая чёрного. – А у меня ещё один подарок – план по завоеванию Марины.

План начал осуществляться, когда Малика пригласила Марину на празднование дня святого Валентина. Пришлось звать и её подруг. Сама Марина не пришла бы, а так под прикрытием однокурсниц решила на посещение холостяцкого логова Кирилла.

С самого утра Малика развила бурную деятельность по сервировке праздничного стола. Эля и Милена согласились помочь, при условии, что они тоже будут в числе приглашенных. Пришлось уступить и для равновесия позвать ещё двух спортсменов с факультета физкультуры. Ожидалось вполне презентабельное мероприятие с шампанским.

Соседки по комнате на правах помощниц первыми из гостей получили доступ в квартиру. Умудрились по очереди исследовать ванную и спальню. Пока одна забалтывала Малику, другая нюхала одеколон и щупала футболки хозяина квартиры.

Стол из кухни перетаскивали в самую большую комнату, решив организовать что-то вроде фуршета. Совсем ленивые смогут присесть на диван и не мешать желающим танцевать.

Уборкой заниматься не пришлось. Кирилл отличался маниакальной чистоплотностью. Он часто перемывал посуду за Маликой и разбирался в кондиционерах для белья.

Втроём девушки накрыли королевский стол. Милена увлекалась карвингом⁹ и превратила огурцы и морковь в произведения искусства, Эля расстаралась не меньше. Приготовила необычные салаты и украсила закуски. Обе девушки прокладывали шестиполосную магистраль к сердцу Кирилла проверенным способом – через желудок.

Марина с двумя подругами пришла в точно назначенное время, благоухающая и оживлённая. Она легко разгадала хитрость Малики, некачественно замаскированную под коллективное приглашение.

Девушки только собирались приступить к обсуждению достоинств хозяина квартиры, как раздался звонок в дверь – пришли остальные гости: трое байдарочников из секции гребли и ещё столько же однокурсников Кирилла.

Сам виновник торжества объявился, когда почти все гости бродили по его жилищу в разной степени опьянения.

⁹ Карвинг в кулинарии – искусство художественной резки по овощам и фруктам.

Малика успела его отругать за опоздание и намекнуть на благожелательный настрой Марины. Кажется, дама его сердца созрела для душевного разговора. Малика исполняла роль хозяйки и беспрестанно суежилась: убирала мусор со стола, поправляла покрывало на диване, обновляла салаты и закуски. Когда опьянела, сама не заметила: пила только шампанское, и то набегам. Принося из кухни очередное блюдо, каждый раз неудачно попадала на тост, быстро опрокидывала кем-то услужливо наполненный бокал и снова убегала.

На пятом забеге алкоголь ударил в голову, сделав всех милыми, а пол несколько неустойчивым. Диван заняли любители сердечных бесед, большая часть гостей танцевала сразу в двух комнатах и даже в прихожей. Медленные композиции стали звучать чаще быстрых. Пары не прекращали танец, похожий на раскачивание с целью удержать вертикальное положение, иногда менялись партнёрами. В какой-то момент Малика поняла, что в квартире гораздо больше двенадцати приглашённых, но откуда и когда появились новенькие, не заметила, будто они телепортировались, привлеченные дармовщиной и студенческим распутством.

Малика вышла на балкон, чтобы выгнать хмель – приятное опьянение сменилось тошнотворным головокружением. Студёный воздух немного взбодрил и прояснил мысли. Джинсы и футболка оказались не самой подходящей одеждой для февраля, она быстро озябла и уже собралась возвращаться в комнату, когда на балкон вышел однокурсник Кирилла, кажется, Сергей.

Парень находился в той степени охмеления, когда беспричинно просыпается мнение о себе как о неотразимом дамском угоднике. Без лишних галантных фраз он сразу возложил ладонь на плечо Малики и доверительно поинтересовался:

– Девушка скучает?

Она не успела ответить, дверь скрипнула, выпуская на морозный воздух Кирилла. Тот грубо оттащил парня от Малики.

– Выйди, мне с Кирюхой нужно поговорить.

Кирилл выглядел сердитым. Даже в пьяном состоянии Сергею хватило ума и чувства самосохранения не нарываться. Он пожал плечами, подмигнул Малике и вернулся в комнату.

– С ним лучше не связывайся, – предупредил Кирилл, брезгливо глядя на закрывшуюся дверь, будто она отделяла их от входа в террариум.

– Он же твой друг, – изумилась Малика.

Кирилл обнял её, пытаясь согреть.

– Не друг. Я его не приглашал. Половину из тех, кто бродит по моей квартире, я вообще мельком видел.

Сомкнув руки на талии Кирилла, Малика прижалась к его тёплой груди.

– Он симпатичный, – пробубнила она в футболку.

Кирилл отстранился и снова бросил взгляд, на этот раз явно изумлённый, на дверь в комнату.

– Урод он. Наверное, Витька позвал.

Малика нехотя отступила.

– Ладно, в этот раз тебя послушаюсь.

Она вернулась в комнату протрезвевшей и с досадой поняла, что таких ясномыслящих почти не осталось. То, что начиналось как контролируемая вечеринка, превратилось в банальную пьянку – Содом и Гоморра студенческого разлива. На кухне, прямо на подоконнике, увлечённо целовалась незнакомая парочка, всё стекло залапали своими потными ладонями. Танцующие тоже стали выглядеть как-то иначе, развязнее и смелее. Руки некоторых партнёров опустились ниже спин, лица сблизилась до критического расстояния.

Марина танцевала с почти трезвым парнем из числа тех, кто появился внезапно и без приглашения. Девушке время от времени приходилось возвращать его руки на талию и сдер-

жанно бранить. Из угла комнаты с выражением лица как у горгульи за ними наблюдал Кирилл. Обозленный и одинокий. План по завоеванию Марины с треском провалился.

Малика прошла по комнате, собирая пустые бутылки и обёртки, прогнала из кухни обнаглевших курильщиц, они устроились возле вытяжки и с развязным видом дымили какой-то гадостью. На обратном пути в зал она столкнулась с Зиной. Малика проморгалась, надеясь, что это последствия шампанского, но галлюцинация никуда не делась и даже позволила себе нахальную улыбку.

Стрелки на часах близились к одиннадцати, уже час, как она вместе с соседками должна была вернуться в общежитие. Эля уверяла, что договорилась с комендантом и их пустят в двенадцать, но Малика переживала, что, если Профессор прознает об опоздании, гневной тирады не миновать.

Пришлось брать ситуацию в свои руки и выпроваживать припозднившихся гостей. Большинству оказалось довольно вежливых намёков, некоторых пришлось грубо направлять в другое место, где им будут рады. Малика собралась очистить и спальню. В доступе туда было отказано не одной парочке, позарившейся на двухспальную кровать, но на отдельную комнату все равно настойчиво покушались.

В нескольких шагах от двери она застыла, обнаружив Кирилла, прижимающего к стене бывшую девушку. Его широкие ладони бесстыдно скользили по бёдрам Зины, сминая платье, заставляя её извиваться и прогибаться ему навстречу.

Никогда ещё Малика не видела, чтобы Кирилл так целовался. В этом было столько откровенной страсти, даже похоти, неприкрытой, непредназначенной для посторонних глаз. Во всех его движениях чувствовалось нетерпение и желание, граничащее с яростью. Его губы впились в рот девушки, заставляя задышаться и требовать большего. Зина и требовала, её ногти вонзались в плечи Кирилла, как иглы, оставляя синяки даже сквозь ткань.

Малика застыла, поражённая желанием, буквально сбивающим с ног. Это выглядело откровеннее, чем самый смелый эротический фильм, который ей приходилось видеть. Она хотела тихо ретироваться, но неприятное предчувствие заставило обернуться: в метре от неё стояла Марина. Волна страсти зацепила и её, но не смогла стереть с её породистого лица чувства обиды и разочарования.

Марина громко, печально вздохнула, Кирилл на мгновение оторвался от Зины, их глаза встретились. Малика стояла прямо на линии их взглядов, словно под двусторонним расстрелом. Глаза Кирилла бомбардировали её стыдом и всё ещё не потухшим желанием, а глаза Марины – огорчением и гадливостью.

Марина развернулась и быстро вышла из квартиры. Кирилл резко отстранился от Зины и кинулся догонять девушку. Малика какое-то время стояла, не двигаясь, успокаивая разбушевавшийся пульс.

Зина поправила задравшееся платье и направилась в спальню, надеясь дождаться хозяина квартиры и, может, даже продолжить начатое. Малика в два шага нагнала её и схватила за руку.

– Уходи. Кирилл всё равно тебя прогонит. Лучше не унижайся.

Зина дёрнулась, пытаясь освободить запястье, но хватка Малики оказалась железной.

– Отпусти, – в её голосе послышалась мольба.

– Уходи, – повторила Малика на тон выше.

Зина не знала о склонности Малики убеждать кулаками, но почувствовала угрозу в её голосе, и этого оказалось достаточно, чтобы послушно выйти из квартиры, в отместку громко хлопнув дверью.

Пока Малика дожидалась возвращения Кирилла, квартира опустела. Эля и Милена вернулись в общежитие, перед уходом клятвенно обещав прикрыть её перед комендантом.

Когда дверь резко распахнулась, стукнув ручкой о стену, стрелки на часах сдвинулись к двенадцати.

Несмотря на шумное появление, Кирилл выглядел подавленным и на удивление тихим. Он молча пересек комнату и сел на подоконник. Не глядя, нащупал рукой открытую бутылку шампанского и глотнул прямо из горлышка.

Малика скривилась и отняла у него бутылку.

– Хана?

Он выбежал на улицу без куртки, и теперь от него веяло холодом, словно из открытой морозилки.

– Не знаю, зачем вообще за ней побежал, – Кирилл пожал плечами. – Инстинктивно, наверное. Когда догнал, не знал, что говорить. Оправдываться странно – мы ведь не пара, объяснять – глупо, она сама всё видела.

Малика вскипятила воду и заварила чай. Одну кружку протянула другу.

– Что она сказала?

Кирилл нахмурился.

– Ничего. Позволила проводить до остановки, ни словом не касаясь того, что увидела, – он передёрнулся, наконец ощутив, что продрог на улице. – Её больше всего интересовало, почему я тебя Кирюхой называю.

Малика села рядом на подоконник и взъерошила влажные волосы Кирилла.

– Что-нибудь придумаем, Эдька. Она будет твоей. Обещаю, я сделаю тебя счастливым.

Прозвище «Кирюха» родилось случайно, когда Малике исполнилось десять лет. А началось всё с поездки в Калинки. Как только прозвенел последний звонок, Профессор поспешил отправить её в ежегодную ссылку. Малика ожидала отъезда не меньше отца, но делала вид, что летние каникулы у бабушки – это наказание похуже юбки на официальный праздник. Почему-то ей казалось, стоит отцу заподозрить, какое удовольствие она получает от поездок в деревню, и он тут же придумает другое место для выплеска её необузданной энергии. Малика давно заметила: если она чего-то очень ждала, этого не случалось. Приходилось изображать безразличие и даже усталость от деревенских будней, лишь бы путешествие не сорвалось.

В Калинках Малика чувствовала себя свободной. У бабушки не было ни времени, ни желания следовать за ней по пятам и контролировать. Находились дела поважнее: закатать на зиму дары с грядки, пока саранча в лице внучки не объела всё, что колосится и хоть чуть-чуть порозовело. В гостях у бабушки в Малике просыпался зверский аппетит, который почему-то не распространялся на супы и каши, а требовал только то, чем можно поживиться на огороде, желательно чужом и без спроса. Антонина Сергеевна не уставала поражаться способности худенькой Малики вмещать в свой организм горы недозрелой смородины, зеленых яблок и невымытого щавеля.

Антонина Сергеевна бранила её, заставляя есть в определенное время и за столом, угрожала лишить прогулок, но, когда однажды привела в исполнение наказание, сама же первая и пожалела. Малика, ограниченная в свободе, напоминала ураган, запертый в тесной комнате. Она извелась от безделья и замучила бабушку. Дима и Валя скучали без неё, заглядывали через забор и казались ещё более несчастными, чем сама узница. Чтобы спасти собственные нервы и хрупкие предметы в доме, Антонине Сергеевне пришлось пойти на уступки и выпустить Малику на свободу.

Это лето перед третьим классом стало для Малики особенным. Близнецы ещё до её прибытия в Калинки так разрекламировали подругу перед другими приезжими ребятами, что те ждали знакомства с ней как с героиней какого-нибудь супергеройского блокбастера. Они заранее настроились с ней дружить, поэтому приятельские отношения сложились сами по себе.

Малике даже не пришлось ни с кем драться, чтобы завоевать место в компании. Для неё это был новый опыт дружбы, оказалось, это интересней, чем быть злобной задирой и одиночкой.

Никто не провозглашал Малику главной, но ни один поход на речку или в лесок не состоялся без её одобрения и участия. Утро начиналось со свиста у калитки Антонины Сергеевны – за её внучкой приходили всей толпой и звали так же хором. Когда придумывали, во что играть, к мнению Малики прислушивались в первую очередь, а она, ободрённая восхищением ребят, фонтанировала идеями, неосознанно делая это лето незабываемым для всех.

Её главенствующее положение закрепилось окончательно после случая на речке. Жарким июльским днём ребята расположились на пологом берегу с удобным спуском к воде. Малика лежала на длинной ветке, нависшей над речкой, и водила рогатиной по воде, выписывая недавно услышанные от бабушкиной соседки необычные ругательства. Мальчики пускали «блинчики», соревнуясь в количестве отскоков. Малика своей кинула первая, и уже полчаса никто не мог приблизиться к её рекорду.

Полуденное солнце разморило, настроило на благодушный лад, и к приходу подростков из соседнего хутора она оказалась не готова. Задиристые ребята успели надавать подзатыльников малышне, прежде чем Малика спрыгнула с ветки и встала перед соперниками, рассерженная, взлохмаченная, похожая на бойцового петуха. Она безошибочно определила предводителя компании, самого крупного и агрессивного, видимо, из-за того что разбушевались гормоны.

– Это наша поляна, – Малика неосознанно приняла боевую стойку, готовясь к драке.

– Кто это тут такой оборзевший? – он оглянулся, призывая друзей полюбоваться на невысокую, нескладную соперницу. – Малявка нарывается!

Малика сразу просчитала, что перевес сил не в пользу их компании. Хуторяне были старше, крупнее и подавляли количеством. Это была бы не драка, а банальное избиение. Малика бы здорово подпортила им внешность, но вряд ли вышла бы из этого побоища победительницей, а её интересовала именно победа.

А потому она бросила взгляд на речку и неожиданно предложила:

– Давайте на спор: кто доплывёт до другого берега, того и поляна.

Дима и Валя взволнованно переглянулись. За те два года, что ребята знали Малику, речку она ни разу не переплывала. Мало кто переплывал, даже из деревенских, знакомых с её заводями с самого рождения. В середине Калинки течение становилось настолько сильным, что утягивало вперёд, не давая приблизиться к берегу, а в некоторых местах образовывались опасные омуты, где пропадали даже телята.

Малика выглядела уверенной в своих силах, а вот в глазах предводителя хуторян промелькнул страх, даже не перед речкой, это была боязнь опозориться перед друзьями. Подросток какое-то время колебался, потом презрительно сплюнул.

– Ладно уж, мелкота, купайтесь, – снисходительно позволил он, – а то утопнет эта дура, и оправдывайся потом, что сама полезла.

В глазах друзей его слова звучали как признание поражения. Никто и не заподозрил, что отчаянная Малика плавает чуть лучше надувного матраса – куда понесёт течение, туда и дрейфует. С того дня Малика стала осваивать кроль и брасс, учить премудростям плавания согласился сосед, воодушевлённый рассказом близнецов о противостоянии с хуторскими ребятами.

Десятый день рождения Малика отметила в статусе заводилы в компании. Поздравления принимала, искренне улыбаясь, и только уезжая в город, вспомнила, что так ни разу за всё лето не подралась.

Вернувшись в город, Малика сразу же поссорилась с Танечкой, обменялась гадостями с Кириллом и уже через десять минут окончательно вернулась к прежним замашкам колючей забияки.

Первое сентября запомнилось третьему «Б» не праздничной линейкой и новыми нарядами, а примечательным надувным шариком в руках Малики. Несла она его гордо, будто зная, улыбалась искренне и радостно, словно не знала, что в качестве шарика над головой парит надутый презерватив. Её проделка больше всего повеселила подростков, не все третьеклассники понимали пикантность шутки, даже Малика не до конца осознавала, что неприличного в её проказе.

Несколько незнакомых ребят уговорили обладательницу чудесного шара сфотографироваться, Малика охотно позировала с невинным лицом, выставляя предмет шуток на первый план. Когда родители стали выстраивать детей для общего снимка, презерватив неожиданно лопнул, вызвав огорченный вздох у нескольких ребят и радостно-облегчённый у учительницы, красной от смущения до самых ушей.

Малика вернулась в привычный образ задиры и злючки, но летний триумф не забыла. В дворовой компании роли давно были распределены, да и сама Малика не желала дружить с Танечкой и Кириллом. Поразмыслив, она пришла к выводу, что ей нужны новые, незнакомые друзья. Она станет их предводителем, и ею снова будут восхищаться.

Через несколько улиц нашёлся подходящий двор, где обитали ребята, посещающие другую школу. Влиться в новую компания Малика задумала, «сменив» пол. Незнакомые люди часто принимали её за мальчишку из-за широких плеч, короткой стрижки, откровенно не девчоночьих замашек и манеры одеваться. Хриплый голос тоже способствовал маскировке.

Для большей достоверности натянув кепку козырьком назад, она отправилась на завоевание новой компании. Претенденты на роль новых друзей устроили гонки на велосипедах, Малика со своим проржавевшим транспортом пришлась как раз кстати. Они легко приняли новенького, но вопрос «Как тебя зовут?» чуть не разбил вдребезги всю конспирацию. О новом имени Малика не подумала, поэтому брякнула первое, что пришло в голову: «Кирилл». Ребята по-мужски пожали друг другу руки. В новеньком хамоватом и слегка развязном мальчишке не угадывалось ни одной девчачьей черты.

С того дня Малика стала постоянным гостем в этом дворе. Два-три раза в неделю, сразу после тренировок по кикбоксингу, она заявлялась в новую компанию, фонтанируя идеями для развлечений. Профессор полагал, что она задерживается в спортзале, и даже не подозревал её в лицедейских наклонностях.

Почти месяц Малика притворялась мальчишкой, завела друзей и даже умудрилась стать объектом грёз семилетней девочки, решившей в будущем обязательно выйти замуж за Кирилла. Пока девчушка активных действий не проявляла, молча млела, томно вздыхала, выцапала на качелях: «Кирил + Котюша = любовь».

Дворовая компания заметила прогулы Малики, но версия с усиленными тренировками вполне убедила Сеньку и Виталика, хоть и не обрадовала. Без колючей Малики в компании чего-то не хватало, словно приправы в блюде. Отпала нужда объединяться для очередного раунда против дочери ведьмака, никто не придумывал опасные игры и не подстрекал на запрещённые забавы.

Даже Кирилл не сразу обратил внимание, что несколько дней подряд, проходя под окном Малики, остаётся необруганным. В его жизни тоже произошли перемены. Ещё летом он записался в секцию гребли и теперь разрывался между карате и полюбившимся каноэ. Несерьёзное увлечение гребным спортом родилось из желания занять свободное время на каникулах. Хобби неожиданно всецело завладело его мыслями. Стремление стать чемпионом никуда не делось, но поменялась область планируемого чемпионства. Он бы бросил надоевшее карате, но необходимость противостоять соседке никуда не делась и терять навыки самообороны пока было рановато.

В начале октября тренировки по гребле переместились с речки в тренажёрный зал и закрытый бассейн. Кирилл впервые возвращался новой дорогой, когда услышал знакомый

надорванный голос. От ребят во дворе он знал, что в это время его соседка должна быть на тренировке, но этот хриловатый тембр он не спутал бы ни с чьим другим. Заинтригованный, Кирилл свернул с тротуара и вошёл в незнакомый двор.

Вокруг детской песочницы на деревянном ограждении сидели ребята. Кипела игра в ножички. Право хода перешло к обладательнице хриплого голоса. Она деловито разрыхлила остриём ножа песок, примерилась и ловко скинула ножик с изгиба локтя, он перевернулся в воздухе и на треть вонзился в мягкий грунт. Малика издала победный клич, изобразив рёв Тарзана.

Кириллу хватило и минуты наблюдения, чтобы понять: Малику в этой компании считают мальчишкой и обращаются к ней, используя почему-то его имя.

Он обошёл песочницу и встал напротив Малики. Когда её глаза наткнулись на знакомое лицо, она едва не вскрикнула от изумления. Кирилл как ни в чем не бывало перезнакомился с ребятами и напросился в игру. На какое-то время пойманная на притворстве Малика растерялась настолько, что начала проигрывать. Но тот, кто мог её разоблачить, почему-то не спешил это делать и сам общался к ней, словно и не подозревал, что под маской хулигана скрывается девчонка. Малика перестала бросать в его сторону сердитые подозрительные взгляды и снова с азартом погрузилась в игру.

Почти сразу стало понятно, что два одинаковых имени в одной компании создают неудобства. Выход случайно нашёл «истинный» Кирилл, обратившись к Малике так, как его называла мама – Кирюха. Почти час они играли в ножички, переглядываясь, словно разведчики на вражеской территории. Кирилл не обнаружил в глазах Малики страха, только предупреждение и обещанную кару в случае его болтливости. Он охотно подыгрывал, хотя пару раз едва не назвал соседку колючкой или сколопендрой. Маскарад Малики казался очередной необычной игрой, в которой ему повезло поучаствовать.

С тех пор в новую компанию стал заходить и Кирилл. Не так часто, как Малика, но раз в неделю и он старался наведаться в новый двор. Тайну Малики не раскрывал, но ухмылялся хитро и многозначительно, словно шулер с краплёнными картами на руках.

К огорчению Малики, Кирилл легко втёрся в компанию, разрушив её планы на лидерство. О нём говорили, когда он не приходил, заметив их переглядывания, спрашивали у «Кирюхи», когда ждать тезку. Малика бесновалась, но поделать ничего не могла: боялась публичного разоблачения. Кирилл интуитивно угадал этот страх и не упускал случая подколоть. Впервые у него появился рычаг влияния на неугомонную Малику, и он беззастенчиво его использовал.

В начале ноября в один из дней, когда радуга рождается от соития дождя с солнцем, Малика с ребятами увлеклась выкапыванием канала, соединяющего большую лужу с рукотворной заводью. Копала без лопатки, руками. Кирилл соорудил из веток веник и гнал воду из дождевого моря к узкому перешейку, наполняя водоём. Ребята сустились рядом, прокладывая новые каналы. Естественный наклон препятствовал затее Кирилла, и вода беспрестанно возвращалась обратно. Но у этой игры процесс явно довлел над результатом: ребята получали удовольствие от ковыряния в грязи.

Малика чертыхалась и заставляла активнее махать веником.

Кирилл со скрипом распрямился и предложил:

– Пацаны, пойдём за гаражи, отольём?

Малика замерла над грязевой кучей и поймала его коварный взгляд. Эта реплика звучала намеренно грубо, нехарактерно для воспитанного Кирилла. Он явно её провоцировал.

Она опустила взгляд и продолжила расширять канал, будто ничего на свете интересней этого не делала. Не глядя в сторону ребят, презрительно хмыкнула:

– Зачем в туалет толпой идти? Разве что писюнами мериться.

Те, кто уже успел встать, снова опустились рядом с лужей и закопались в грязь, оставив Кирилла в одиночестве.

Он не стал настаивать, оценив изворотливость Малики.

Следующая возможность позлорадствовать представилась через неделю, когда во дворе устраивали очередные гонки на велосипедах.

Девочка, планирующая в будущем вылепить из Кирюхи примерного мужа, во всеуслышание объявила, что наградой за победу будет её рука и сердце, а в довесок поцелуй в щечку. В тот день Малика впервые проиграла, хотя Кирилл намеренно сбил пару соперников, обеспечивая ей победу, и сам отстал, якобы соскочив ногой с педали.

Шутки и подстрекания Кирилла злили Малику с каждым днём всё больше. Мало того что сосед завладел Сенькой и Виталиком, теперь он ещё и позарился на новых друзей. В середине ноября терпению Малики пришёл конец. Ещё в школе она решила избавиться от докучливого присутствия Кирилла в новой компании. План изгнания пока ещё не оформился, но уже наливался грозovým возмездием.

По дороге домой она, как обычно, плелась за спинами Кирилла и Танечки, молча кипела, строя в мыслях злодейские проекты. Танечка трещала без умолку, а Кирилл витал в облаках, сочиняя очередное стихотворение, навеянное увиденной мельком Наташей. Пальцы некрепко держали блокнот, открытый на последней странице. Он иногда приостанавливался и записывал наиболее удачную мысль.

Малика ринулась вперёд и вырвала блокнот из его руки. Он не сразу понял, что произошло, его сознанием всецело завладела безуспешная попытка срифмовать «красотку» хоть с чем-нибудь кроме «селёдки».

Малика замерла в нескольких шагах и беззастенчиво пролистала страницы, выискивая наиболее откровенные фразы. Глаз зацепился за недавние ещё корявые рифмы, не оформленные в полноценное стихотворение. Глядя прямо в растерянное лицо Кирилла, она продекламировала:

*Наташа, ты моя любовь,
Когда тебя увижу вновь.
Ты сердце моё забрала,
Но холодна со мной была.*

Кирилл скинул оцепенение и кинулся к Малике, но она ловко увернулась, подняв руку с блокнотом выше. Танечка стояла немного в стороне и с интересом наблюдала, как разыгрывается драма.

Малика отскочила в сторону и снова прочла:

*Ты во сне ко мне приходишь,
Своею красотой изводишь...*

Кирилл не дал дочитать четверостишие, кинулся на Малику, беззастенчиво и ехидно озвучившую его первую робкую влюблённость.

– Сейчас же отдай!

Малика брезгливо взялась за край блокнота двумя пальцами и подняла его над лужей.

– Место твоим писулькам в грязи.

Кирилл дёрнулся вперёд, но, увидев, в какой опасности от забвения его творчество, замер на одной ноге.

– Отдай, пожалуйста.

– Отдам, если перестанешь ходить к моим друзьям, – озвучила она ультиматум и встряхнула блокнотом.

Кирилл, не раздумывая, кивнул.

– Хорошо, только отдай.

Малика не ожидала, что он так быстро уступит, и, желая помучить, снова помахала блокнотом в опасной близости от грязной лужи. Бросать туда стихи она не планировала, листочки выскользнули из пальцев случайно. Размахивая белыми страницами, словно подбитыми крыльями, блокнот плюхнулся в воду. На строчках о любви появились грязные разводы. Малика уже сама хотела кинуться за тонущим блокнотом, но Кирилл не планировал его спасать, он жаждал мести.

Сбив Малику с ног, он повалил её на мокрую после дождя дорогу и только потом осознал, что начал драку. Малика вскочила одним движением, взбешённая не столько внезапным нападением, сколько своей неустойчивостью. Первый же её удар попал в цель, Кирилл, потрясённый собственным поступком, растерялся и пропустил хук слева. Пошатнувшись, он успел уйти от следующего удара и сам ринулся в нападение. Эта драка уже не выглядела как склока двух разобиженных детей. Тренеры были бы довольны своими подопечными: большую часть ударов им удавалось отразить или ловко увернуться. А те, что достигали своей цели, оставляли ощутимые синяки. Танечка бегала вокруг драчунов, но разнимать не пыталась, слишком велика была вероятность заполучить от Малики якобы случайную оплеуху.

Первым опомнился Кирилл, свалив соперницу подсечкой, он отступил, разведя руки в примирительном жесте.

– Хватит, Кирюха. Это глупо.

Он протянул руку, предлагая подняться. Малика взялась за ладонь, но вместо того чтобы встать, дёрнула соперника на себя и, схватив за воротник, макнула лицом в лужу. Кирилл успел глотнуть грязной воды, прежде чем выкрутился из цепкой хватки. Шов на воротнике треснул, подарив ему простор для манёвра.

Малика вскочила на ноги и оглядела одежду в поисках повреждений, которые не скрыть от отца и не восстановить. Выглядела она как пугало, но зашивать, кажется, ничего не придётся. Кирилл же поплатился воротником на новенькой куртке и рваной дыркой на колене.

– Ненавижу тебя! – в сердцах выкрикнула она и побежала домой, чтобы успеть постирать вещи до прихода отца.

Уже вдогонку ей полетели слова:

– Я тебя больше ненавижу!

Стирать пришлось всё, даже шапку. Малика понимала, что отец в любом случае заметит следы драки на лице, но она уже заготовила правдоподобную версию о спарринге на тренировке, а вот испорченные вещи могли его по-настоящему разозлить. Уже покончив со стиркой, Малика осознала, что наказание сегодня её в любом случае найдёт. Она порвала куртку и брюки Кириллу, как только его мама или бабушка явятся с работы, придётся ей предстать перед сердитым взором Профессора и Вероники Петровны.

По подсчётам Малики, уже несколько часов, как соседки вернулись домой, а значит, не заметить следы битвы на лице и одежде они не могли. Но в дверь никто не звонил и не спешил требовать возмещения за ущерб и прощения за побои.

Кирилл вернулся домой следом за Маликой. Сначала устроил на тёплой батарее блокнот и только потом принялся за вещи. Аккуратно пришил на место воротник, а на брюки заплатку. С воротником вышло почти идеально, разрыв пришелся на шов и новые более крупные стежки почти не бросались в глаза. С брюками вышло похуже. Заплата из прошлогодних штанов немного отличалась по цвету, и стежки ложились не так ровно. К приходу мамы он успел застирать вещи и даже припудрил синяк на скуле. Василиса Максимовна с одного взгляда поняла,

что её сын поучаствовал в драке, и даже догадалась с кем, но сам Кирилл отрицал причастность Малики, настаивая на версии с незнакомыми хулиганами.

Малика до поздней ночи ожидала наказания, но никто так и не явился её судить. Сначала она обрадовалась, но потом её настигло неизведанное ранее чувство стыда: вина за злой поступок легла тяжёлой ношей, не дав насладиться бегством от расплаты. Малика решила сама себя наказать и в той же ночью пообещала себе никогда не ходить в новый двор. Кирилл тоже перестал там появляться – сдержал обещание. У него иногда прорывалось прозвище «Кирюха», но он тут же одёргивал себя, злясь на докучливые воспоминания о недолгой и поверхностной, но всё же дружбе с Колючкой.

5 глава. Учителя

Учебный год ещё не закончился, а студенты уже потеряли всякий интерес к занятиям. Майское солнце бесцеремонно вваливалось в аудитории, ласкалось нежной кошкой, обещая загар и незабываемые моции за пределами аудитории. Первые капканы расставила зачётная неделя, впереди ещё ждали препятствия в виде экзаменов и, судя по всему, не всем эти преграды будут по плечу.

Малика удивила саму себя, неожиданно став отличницей. В школе она училась плохо и без желания, успевала только по тем предметам, которые казались интересными или нравился учитель, преподававший предмет. Так было с физикой. Этот предмет вёл классный руководитель, вернее, не вёл, он жил физикой, горел, словно каждый урок делал очередное потрясающее открытие. Своим отношением к предмету он воспламенял весь класс.

В институте Малику вдруг обуяло желание проглатывать все знания, которые можно было вытрясти из преподавателей и откопать в библиотеке. У Кирилла с учёбой дела обстояли не так безоблачно. Как только открылся сезон гребли, он стал пропадать на ежедневных тренировках и соревнованиях, пропуская иногда целые недели. Договариваться с педагогами не умел и не желал, готовился к семинарам на бегу. Пока его выручала природная сообразительность и неплохой багаж знаний, припасённый ещё в школе. Поначалу в роли отстающего он чувствовал себя неловко, постепенно привык, но окончательно не смирился. Как только на горизонте замаячила сессия, Кирилл оброс учебниками и ночами корпел над книгами, чтобы не расстроить своих женщин отчислением.

Очарованные необычными глазами преподавательницы почти без проблем ставили удовлетворительную отметку, с мужчинами этот номер не прокатывал, приходилось готовиться ночью и выкручиваться, пересказывая одну и ту же мысль разными словами.

Малика переживала за него, переписывала лекции у его более сознательных однокурсников. Принося на тренировки, громко зачитывала. Она надеялась, что хоть обрывки нужных фраз отпечатаются в памяти злостного прогульщика.

Воскресное утро обещало временную передышку от занятий, но от зубрёжки не освобождало. Проснувшись без будильника, Малика почистила зубы, умылась, собрала волосы в высокий хвост и выбежала из комнаты, не потревожив соседок. На ходу застегнула новые джинсы, купленные по настоянию Кирилла, кроссовки зашнуровала уже на ступенях общежития. Здание размеренно дышало, досматривая предрассветные грёзы, в коридорах звенела пустота – редкое явление для студенческого улья.

По пути Малика забежала в пекарню, наелась вкусных запахов, от которых стало сладко на языке, и купила два пирожка с повидлом. Подумав, взяла ещё парочку. Один достанется ей, Кирилл вряд ли наестся скудным подношением. Даже три пирожка будет мало, но на большее количество остатков стипендии не хватило. Последнее время Кирилл превратился в комбинат по поглощению пищи, ел столько, что на средства, уходящие на его месячный рацион, можно было прокормить небольшой городок. И, естественно, на его боках ничего не откладывалось, эта вселенская несправедливость угнетала Малику больше всего.

У дверей квартиры она чуть замешкалась, перекладывая книги с одной руки в другую, и чуть не получила по носу резко открывшейся двери.

Зина оглядела Малику свысока, рост позволял ей проделывать этот трюк почти со всеми. – Доброе утро, – проворчала она совсем не по-доброму.

Малика сжала губы, борясь с желанием сказать какую-нибудь гадость. Теперь она не испытывала к этой особе ни жалости, ни сочувствия. После празднования Дня святого Валентина Зина вела себя нагло и вызывающе, будто чувствовала власть над Кириллом. Он и не пытался её разубеждать, позволял приходить регулярно, но виделись они только в пределах его

квартиры, точнее, спальни. На людях больше не строили из себя парочку, в этот раз Кирилл выставил границы чётко, заранее вытапывая возможные зачатки иллюзий относительно нормальных отношений.

Малика захлопнула входную дверь и сразу же направилась на кухню. Она слышала, как Кирилл возится в ванной: принимая душ, он читал стихи, потом громко чистил зубы, издавая звуки, приближённые к клочкотанию вулкана. На кухню пришёл только спустя пятнадцать минут в пижамных штанах, что когда-то подарила ему Малика, розовых с белыми пуделями.

Пирожки унюхал сразу.

– Кирюха, ты как раз вовремя.

Малика отодвинула выпечку и поставила перед ним сковороду с яичницей из шести яиц, с помидорами и кусочками сала.

– Когда ты уже наешься?

Кирилл похлопал себя по плоскому рельефному животу.

– Растущему организму требуется топливо.

Он сел на край стола и принялся за яичницу. Малика налила чай, взяла пирожок и устроилась на подоконнике.

– Жена тебя не прокормит. В какой-то момент решит: радости от тебя меньше, чем хлопот, и выгонит к чёртовой матери.

Кирилл отложил вилку и принялся за десерт.

– Радости от меня ого-го сколько!

Малика скривилась, припомнив утреннюю встречу с Зиной.

– Хватит уже, – став предельно серьёзной, начала она, – хватит её использовать как секс-игрушку. Это свинство на тебя не похоже.

Кирилл сделал пару глотков и только потом ответил:

– Я в такой же ситуации, как она. Мы обоюдно используем друг друга.

Малика вскочила с подоконника и встала перед Кириллом, сверкая глазами.

– Кого-то другого я могла бы представить в этой роли, но не тебя. – Видя, что он открыл рот, готовясь возразить, и даже привстал, нажала на его плечо, усадив обратно. – Это грязно и мерзко. Марина никогда не полюбит тебя такого.

Кирилл какое-то время молчал, откусил от пирожка огромный кусок и мрачно жевал, будто отравленный поролон.

Малика собрала со стола посуду и принялась мыть. Добравшись до последней грязной кружки, наконец услышала его голос.

– Марине я не нужен. А Зине нужен даже такой: мерзкий и грязный.

Малика слегка повернулась к нему, оставив мокрые руки в раковине. Оценила степень угрюмости и самоуничижения на лице Кирилла и обрызгала его водой.

– Отмойся, Эдька, и порви уже с Зиной. Марина в тебя влюблена. Это я тебе как девушка говорю. Невозможно этого не заметить, да она и не сильно скрывает.

Малика кинула в него скомканное кухонное полотенце и ободряюще улыбнулась.

По-детски радостная открытая улыбка на лице мускулистого высокого Кирилла смотрелась как красивое природное явление, вроде северного сияния.

– Как девушка говоришь? Что ты можешь знать об устройстве женской души?

Малика картинно закатила глаза, это была вторая любимая тема Кирилла: её неправильность. Не обращая внимания на рассуждения о её печальном будущем, если она срочно не освоит женскую хитрость и уступчивость, Малика достала из рюкзака колоду карт и подсунула под себя. Выждав несколько минут, вытащила карты и принялась тасовать.

– Хватит нудить. Есть дела поважнее.

Малика сдвинула часть карт, убрав несколько штук вниз, и принялась раскладывать на столе.

– Опять ищешь свою кукушку?

Она не ответила, сосредоточенно вглядываясь в значения карт. Уже в который раз вышло, что женщина, бросившая её по неизвестной причине, находится недалеко. Малика старательно не обращала внимания на подсказки, где именно. Она ещё не была готова к этому знанию. Кирилл наклонился над её плечом, рассматривая расклад.

– Этот валет выпал уже не в первый раз.

Малика раздражённо смела карты в кучу.

– Этот валет – причина, по которой моя мать ушла.

Оставив стопку учебников, Малика взяла с Кирилла честное слово, что до самой ночи он будет безвылазно сидеть в квартире, пожирая знания так же рьяно, как яичницу и пирожки. Никаких походов на гребную базу и свиданий с ненасытной Зиной.

Для себя Малика заготовила несколько другую программу. Вечером с Элей и Миленой она планировала посетить открытую дискотеку.

Как бы соседки ни давили двойным авторитетом, настаивая на юбке, Малика осталась непреклонной и джинсы не сняла. Заменяла белую футболку на чёрную, обозначая вечерний статус наряда, и распустила волосы.

На огороженной площадке столпилось столько молодёжи, что от дыхания и разгорячённых тел воздух потеплел на несколько градусов. Толпа качалась, как единый организм, в ритме модной этой весной мелодии. Отдельные личности делали это невпопад в такт заторможенной алкоголем музыке, звучащей в их головах.

Малика пыталась веселиться, но никак не могла избавиться от ощущения, что ей чего-то или кого-то не хватает. Каждый раз, когда рядом происходило что-то интересное или хотелось поделиться наблюдением, она неосознанно оглядывалась в поисках Кирилла и тут же мрачнела, вспомнив, что он точит зубы о гранит науки. Мысли и чувства оставались неозвученными и постепенно угасали.

В очередной раз вспомнив Кирилла, Малика заметила в толпе Зину. Девушка выглядела и вела себя вызывающе и, кажется, была не совсем трезвой. Она танцевала с высоким мужчиной, повиснув на нём тяжёлой ношей, и, не стесняясь, позволяла ощупывать свой выдающийся зад.

Эля тоже увидела эту парочку и уточнила:

– Пассия Кирилла?

Милену брезгливо скривилась.

– Ведёт себя как шлюха.

Внутри Малики из тлеющей искры антипатии к Зине в одно мгновение вспыхнул пожар ненависти. И эта особа ещё претендует на звание девушки её друга и до сих пор посещает его постель, пачкая Кирилла, унижая его. Неудивительно, что он себя таким и чувствует: мерзким и грязным. За несколько секунд Малика накрутила себя до такой степени, что готова была бежать навстречу разъярённому быку на корриде, а не просто побеседовать с безобидной Зиной.

Мелодия поменялась, став быстрее, и Малика на мгновение потеряла девушку из виду. Обнаружилась та у колонны в объятиях всё того же кавалера, судя по всему, он уговаривал продолжить вечер в другом месте, по-хозяйски поглаживая бедро Зины.

Малика коснулась локтя мужчины.

– Мне нужно побеседовать со знакомой, позвольте?

Мужчина нехотя отстранился и окинул помеху на пути к развлечениям трезвым взглядом. Отступил на шаг в сторону, изобразив рукой приглашающий жест.

Малика подождала, когда взгляд Зины сфокусируется на ней, станет осознанным, и угрожающе прошипела:

– Чтобы я тебя у Кирилла никогда больше не видела.

– А то что? – лениво поинтересовалась Зина. Алкоголь притупил чувство самосохранения, но добавил безрассудности. – Ты давно уже метишь в его постель, думаешь, я слепая и не вижу? Сколько ты уже его обрабатываешь, лет пять? И всё без толку, он тебя в упор не видит.

Малика отступила, из последних сил заставляя себя уйти, но Зина неосмотрительно коснулась её плеча, вроде как прогоняя.

Малика год ни с кем не дралась, и ей казалось, научилась контролировать и утихомиривать внутреннего монстра, но он сорвался с цепи внезапно, без предупреждения, голодный от долгого воздержания, взбешённый гадкими словами.

Она сделала выпад и наотмашь тыльной стороной ладони ударила Зину по лицу. Голова девушки стукнулась о колонну, каблук подвернулся, и Зина грузно осела прямо на землю. Красный след от ладони проявился мгновенно, словно ожёг. Она схватилась за щёку, удивлённая нападением не меньше самой хозяйки разбуженного монстра. Несколько раз открыла-закрыла рот, словно рыба, готовясь высказаться, но, встретившись взглядом с Маликой, решила промолчать.

Эля и Милена увидели уже конец представления. Спрятав Малику в толпе, быстро ретировались в общежитие. Осталось только надеяться, что рукоприкладство не станет завтра главной новостью.

Естественно, они ошиблись. Утром на первой же паре Малику вызвали к декану факультета. Будучи отличницей, Колючке ещё не приходилось посещать кабинет для получения взбучки. Демьян Станиславович вёл у первокурсников курс лекций, успел заработать авторитет быстро и без усилий. Портить отношения с ним не хотелось совершенно. У большинства студентов декан вызывал трепет и уважение, двоечники его боялись, потому что не всегда понимали завуалированный сарказм в словах. В прошлом спортсмен, высокий, статный, он успешно вложил свою привлекательность в фундамент образа строгого, но справедливого педагога.

Зина первой посетила Демьяна Станиславовича, покрасовалась объёмным синяком на пол-лица и доложила, что этими побоями заинтересуются в полиции. Удар получился настолько сильным, что один глаз покраснел от лопнувших капилляров, вся глазница посинела и припухла. Вчера вечером девушка успела побывать в больнице, где её жалобы подробно записали, а побои сфотографировали.

Малика зашла в кабинет смело, не попробовала изобразить раскаяние. Зина, увидев её, неосознанно отступила на несколько шагов, что не укрылось от Демьяна Станиславовича.

Он кивнул, указывая на стул.

– Садись. А ты можешь быть свободна.

Зина выскочила за дверь проворно для своего телосложения, как юркий грузовик. Малика даже не повернулась в её сторону, смотрела прямо перед собой, стиснув зубы.

Декан оглядел её решительный вид, но задать вопрос не успел, Малика его опередила:

– Меня могут отчислить?

– Зина планирует подать заявление в полицию.

– Тварь, – коротко ругнулась Малика и тут же извинилась, забыв принять повинный вид: – Простите, вырвалось.

Демьян Станиславович обошёл стол и, сев в кресло, пристально всмотрелся в лицо Малике.

– Почему ты это сделала?

Она нахмурилась и шумно выдохнула. Оправдываться не собиралась: вины не чувствовала совершенно.

Было что-то в декане располагающее: умный проницательный взгляд, едва заметная улыбка, желание выслушать.

– Зачем вам это? Какая разница?

Демьян Станиславович чуть наклонился вперёд.

– А разве это не самое важное – причина? – он едва приподнял бровь, обозначая заинтересованность. – Одна из лучших учениц факультета дубасит на дискотеке девушку своего брата или друга. Я так и не понял степень вашего родства. Студенты объяснили, как смогли.

Малика пожала плечами.

– Кирилл мне как брат.

– Я хочу тебе помочь, но в ответ прошу только одного: объясни почему?

Малика уже приготовилась держать оборону и всё отрицать, но неожиданно призналась:

– Она изменяла ему.

Демьян Станиславович пригляделся к лицу девушки и уточнил:

– Это и есть причина?

Малика шумно выдохнула:

– Кажется, не совсем. Точнее, не единственная.

Она перевела взгляд за окно: прямо за стеклом на ветке голуби строили гнездо, собираясь создавать семью. Малика чувствовала мотив своего гнева, но не могла сформулировать так, чтобы это казалось понятным и веским для другого человека.

Декан молча ждал и был награждён за терпение правдивым ответом, хоть и несколько сумбурным.

– Она его *изменила*, опустила, вываляла в грязи. Он не такой. Зина делает его хуже – бесчувственным и циничным, а он романтик и пишет стихи. Писал. С тех пор как она с ним – ни строчки.

Слова вырвались скомкано, прерывисто, Малика сама до этого момента не осознавала точно, что именно так её взбесило, но, озвучив, поняла: это и есть истинная причина.

Демьян Станиславович нахмурился. Он не планировал благоволить драчунье. Симпатия родилась самостоятельно, без его ведома и спроса.

– Вы ведь не родственники, правда?

Малика мгновенно вскипела:

– Только попробуйте сказать, что дружбы между мужчиной и женщиной не существует.

– Существует, – легко согласился декан, – я в неё верю. И я понимаю твои чувства, но драку это не оправдывает. Возвращайся на пары. Попробую что-нибудь придумать.

Он и придумал. Малика так и не узнала как, но он смог уговорить Зину не подавать заявление. Может, просто смог найти подход и к ней. У Демьяна Станиславовича хорошо получались душевные беседы.

К вечеру слух о драке затёрся, потерял новизну и уступил другим более актуальным обсуждениям. Начавшаяся, не для всех удачная, сессия победила в рейтинге новостей. «Как сдал?» и «сколько заплатил?» лидировали в топе сообщений, и ответы на эти вопросы приравнивались к жизненно важным знаниям.

После занятий Малика загрузилась книгами для следующего экзамена у Кирилла и направилась на Гребную базу.

Кирилл заметил Малику и в знак приветствия взмахнул веслом. Она нагнала на лицо строгость и приподняла стопку учебников, намекая на обязательства перед сессией. Он не торопился на берег, скользил вдаль, периодически поглядывая на Малику, упрёк в её глазах читался даже с такого расстояния.

Но она не привыкла так просто сдаваться. Дождалась Кирилла и, когда он переоделся в сухую одежду, материализовалась рядом. Пока он качал пресс, зачитывала ему выдержки из учебника, а между подходами требовала повторить то, что запомнил. Он сбежал от неё на турник, но Малика и там его настигла. Пришлось отвечать, глотая воздух рывками, восстанавливая дыхание.

Вытерпев полчаса, Кирилл, опустившись на траву, разложился звездой, устало прикрыл глаза. Малика легла рядом, устроив голову на его плече. Солнце слепило глаза, пришлось зажмуриться и даже прикрыть лицо ладонью.

Предупреждая пытки учебником, Кирилл первым нарушил недолгую тишину:

– Кирюха, балбеска, что ты там опять натворила?

– Ничего, – поспешно отозвалась Малика.

Кирилл приподнялся на локте, скидывая голову Малики на траву и навис над ней, заслоняя солнце.

– Тогда почему тебя вызывали к декану?

– Мы делились с ним рецептами сырников, – она нащупала стопку книг, сверху которых лежали её очки. Надела их на Кирилла, закрыв осуждение в глазах непроницаемыми стёклами. – Ты же всё знаешь?

– Спасибо. Я сам не мог избавиться от этой болезненной привязанности, затягивало всё глубже с каждым её приходом, – он на мгновение замолчал и добавил уже другим тоном: – Ты же обещала не распускать руки.

Малика потянулась к лицу Кирилла и криво сдвинула очки, открывая вид на зелёный глаз.

– А декан, кстати, прикольный мужик.

Кирилл ухмыльнулся.

– Везёт тебе на педагогов-мужчин.

– Везёт, – Малика села и притянула к себе учебник. – Помнишь Молекулу?

– Ещё бы не помнить, – Кирилл тоже сел и, сняв очки, заглянул в лицо Малике. – Он воровал у меня твою дружбу. Что за отношения у вас с ним сложились, никто не понимал, но он явно выделял тебя среди других учеников.

Малика шутиливо стукнула книгой Кирилла по голове.

– Он со всеми дружил, его даже Танечка любила, а София Премудрая пыталась окольцевать. Такой уж он человек, равнодушный и приятный.

Кирилл забрал учебник, чтобы не получить по голове повторно, и рискнул сделать следующее замечание:

– Но у вас по-другому было.

– Только не говори, что я подсознательно ищу в каждом учителе-мужчине любовь, которой мне не досталось от родного отца.

Кирилл снял очки и нарочно повернулся так, чтобы Малика видела его чёрный глаз.

– Именно так я и думаю.

Малика задумалась и через секунду весело рассмеялась.

– Всё гораздо проще, Эдка. С вами, мужиками, нормально общаться можно, когда вам за тридцать, только к этому возрасту мозг созревает достаточно, чтобы генерировать предложение больше трёх слов, второе из которых не мат, – она раскрыла учебник на тему следующего билета. – А пока учись, студент.

На выпускном, посвященном окончанию начальной школы, Танечка рыдала, Кирилл сдержанно грустил, а Малика ликовала оттого, что в её жизни больше не будет регулярных встреч с Софией Премудрой. Отношения с молодой учительницей не заладились с первого же дня. Не ожидала вчерашняя студентка, что в первый же год ей придётся сражаться с мелкой языкатой пигалицей. Ни один из мальчишек не доставлял ей столько хлопот и не подрывал её авторитет так беззастенчиво.

За четыре года их вынужденного сосуществования она нашла лишь один действенный способ усмирения Малики – вызов отца в школу. Профессор от этих визитов не уклонялся, исправно приходил после каждой проделки или драки дочери. Тактично, но от этого не менее обидно намекал на профнепригодность Софии и уходил, оставляя её в расстроенных чувствах с тягостным ощущением бесполезности. После вызова отца Малика на время затихала, не трогала даже Камарицкого – свой вечный объект раздражения.

Окончание четвёртого класса Малика ощутила как переход из тюрьмы на условно-досрочное освобождение. Новым надзирателем и мучеником по совместительству был назначен Пётр Петрович Кашинский, известный среди учеников как Молекула. Учитель физики несколько лет увиливал от классного руководства под предлогом излишне привязчивой натуры. Он долго отходил от расставания с предыдущим классом, тосковал по ним, как по родным детям, которых у него, кстати, не было.

На вечера встреч выпускников бывшие ученики Петра Петровича приходили исправно, почти полным составом. Некоторые, даже неместные, появлялись в коридорах школы и вне этого праздника. Забегали повидать классного руководителя, угоститься чаем и обсудить жизненные перипетии.

Малика ещё не успела протестировать классного руководителя на уровень терпимости к её выкрутасам. Год начался с непривычной миграции по предметным классам, нужно было привыкнуть к новым учителям и разведать, с кем лучше не воевать, а кого можно дразнить по мелочам. После окончания начальной школы состав класса немного изменился. К неопишуемой радости Кирилла, Наташа оказалась в «Б». Об этом позаботился её отец, прослышавший о том, что классным руководителем будет заслуженный учитель и учитель года Кашинский Пётр Петрович.

Уже почти месяц, как Малика придумала источник дохода: на большой перемене за деньги она раскладывала карты и пророчила будущее всем желающим расстаться с небольшой суммой. Сегодня сразу после столовой она планировала разбогатеть вдвойне. Ещё на первом уроке ей передали записку, в которой две девятиклассницы просили им погадать. Местом встречи выбрали скамейку под лестницей.

Малика пришла первая, девушки прибежали запыхавшиеся и взволнованные, но не от быстрой ходьбы, а от предстоящего погружения в таинственные глубины колдовства.

Первым делом Малика протянула карты одной из учениц.

– Та, что девственница, должна посидеть на колоде около минуты.

Девушки переглянулись, лицо светленькой девушки, которой предназначались карты, густо покраснело до самой шеи.

– Без этого никак?

Малика хитро прищурилась.

– Если вам нужна правда, то никак.

За этот месяц в роли гадалки она узнала много тайн старшеклассниц, удивили её даже некоторые представители средней школы. Компромат так и плыл в руки, только запоминай.

Вторая школьница не выглядела смущенной и обратилась к Малике несколько начальственно.

– Сама можешь посидеть?

Малика ухмыльнулась и молча подсунула под себя колоду. Едва она успела достать карты, как в их закуток вбежала Наташа.

– Малика, тебя к директору вызывают. Молекула отправил меня на твои поиски.

Наташа сделала вид, что не заметила старшеклассниц и смотрела только на подругу.

Гадалка недовольно сощурилась.

– Иди. Найдёшь меня через десять минут.

– Но...

– Иди. Я знаю дорогу в кабинет директора.

Наташа нехотя ушла, оставив Малику наедине с растерянными старшеклассницами. Малика разложила карты быстро. Обрадовала одну девушку и расстроила другую, ибо их сердечный интерес распространялся на одного парня. Сгребла деньги в карман и поплелась на эшафот за наказанием.

У дверей кабинета её встретил классный руководитель. Пётр Петрович пожал Малике руку как мужчине и тяжело вздохнул. Волновался больше неё.

– Я сам переговорю с директором, а ты пока побудь тут.

Малика засунула руки в карманы и развязно поинтересовалась:

– Не вас же вызывали, чего вам идти?

Физик пригляделся к ней внимательнее: короткая стрижка намеренно взлохмачена, на бёдрах вместо положенной по форме юбки болтаются свободные брюки. Вызов в каждом движении. Глаза лукаво сощурены: рассматривание не осталось секретом для Малики.

Он заметил её сразу же, как стал классным руководителем, хотя поначалу принял за мальчика. О замашках проблемной ученицы поведала бдительная Софья Премудрая. Малика ни с кем не дружила, общалась только с Наташей и то без явного желания, словно делая той одолжение.

– Что-то мне подсказывает, у директора мы будем частыми гостями, можно завести собственные кружки для чая и сразу потребовать годовой абонемент.

Малика не сдержала улыбку и тут же разозлилась на себя.

– Я и без вас справлюсь.

– Конечно, справишься. Но я тоже хочу поучаствовать.

Не дожидаясь ответа, он открыл дверь и вошёл в кабинет, который Малика за четыре года изучила вдоль и поперёк. Ожидая возвращения учителя, она расковыряла краску на подоконнике, сгрызла ноготь на указательном пальце и успела поссориться с проходящим мимо мальчишкой из старшей школы.

Уходил Пётр Петрович в благодушном настроении, а вернулся сконфуженный и расстроенный.

– Пойдём в класс.

Малика взялась за ручку двери.

– А мне к директору уже не нужно?

– Не в этот раз. Чай будем пить в моём кабинете.

Не дожидаясь Малику, поплёлся по коридору в сторону класса физики, оглянулся в середине пути, удостоверился, что она идёт следом, и пошёл уже быстрее.

Пока в чайнике подогревалась вода, учитель достал печенье, распаковал коробку конфет и, отодвинув стул, предложил Малике сесть.

– Сейчас бы кофе, но закончился. Ты чай пьешь?

Малика самостоятельно сделала себе чай, немного подумав, переложила пакетик в кружку учителя и налила кипятка в обе чашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.